

Алексей Иванович Дьяченко

Тринадцатый двор

Алексей Дьяченко

Тринадцатый двор

«Издательские решения»

Дьяченко А.

Тринадцатый двор / А. Дьяченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746720-3

Герои романа «Тринадцатый двор» — братья Грешновы. Вместе с Юрием, Василием и Иваном мы проживаем десять дней тысяча девятьсот девяносто седьмого года. Книга рекомендуется для чтения людям мыслящим, с чувством юмора.

ISBN 978-5-44-746720-3

© Дьяченко А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Тринадцатый двор

Алексей Иванович Дьяченко

© Алексей Иванович Дьяченко, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Без вещей на выход

Ранним утром седьмого сентября тысяча девятьсот девяносто седьмого года странного вида люди выстроились в шеренгу на площадке перед спортивным городком одного из отделений милиции города Москвы.

В различной обуви, от сапог до туфель на шпильках и разного фасона трусах, от синих сатиновых до гипюровых с шелковой бабочкой, плечом к плечу стояли воры, бандиты, проститутки и милиционеры. И татуировки на голых торсах у всех были разные, а судьба в эту минуту одна. Все были словно загипнотизированы и внимательно следили за сухошавым жилистым мужчиной тридцати четырёх лет, неспешно прохаживающимся мимо шеренги.

– Кто, если не мы, – убеждал он, всматриваясь в глаза каждому и, меняя голос, scomандовал, – Равняйся! Смирно! Напра-во! Вокруг спортивного городка бегом – арш!

И пёстрая шеренга, а были в ней и бежавший из заключения зэк по кличке Пехота, имевший в свои девятнадцать лет на теле двести шесть больших и малых татуировок, и не менее экстравагантная проститутка Отолива, она же Лена-танец, и семидесятивосьмилетний пенсионер союзного значения Павел Терентьевич Огоньков, и прочие живые ходячие достопримечательности, ожидающие своего Гоголя, чтобы смог он их литературно живописать. Вся эта пёстрая шеренга превратилась в колонну и побежала по кругу, огибая спортивный городок.

Так резво побежали, что у наблюдавшего всё это из-за ограды подполковника Позднякова возникло желание бежать за ними. Впрочем, мы «забегаем» вперёд.

Наша история началась тридцатого августа тысяча девятьсот девяносто седьмого года.

Георгий Данилович Грешнов, майор в отставке, тысяча девятьсот шестьдесят третьего года рождения, проснулся ранним утром в заваленной вещами, захламлённой, похожей на свалку комнате.

С интересом, как будто видит он всё это впервые, Юра стал рассматривать заклеенное пожелтевшими газетами окно, бумажные пакеты из-под кефира и молока, загромоздившие весь подоконник, пустые пивные банки и несчастный цветок алоэ, годами не видевший прямых лучей солнечного света.

Обоев в комнате не было, незакрепленные розетки вместе с проводами вываливались из голых бетонных стен, никто ими не пользовался. Плинтуса горой лежали у стены вместе с банками краски. Нанятые строители начали ремонт, ободрали стены, смыли побелку с потолка, на этом и закончили.

Старинный ореховый шкаф, переживший и октябрьский переворот семнадцатого года, и блокаду Ленинграда в трудные послевоенные годы был доставлен в Москву только за тем, чтобы поменяв несколько адресов, стоять и пылиться. Будучи повернутым лицом к стене в однокомнатной кооперативной квартире.

Кресло, стол, стулья, – всё это антикварное роскошество было брошено впопыхах, а теперь ещё и завалено старыми газетами, книгами по психологии и бумагами бывшей жены. Дело в том, что по просьбе жены они развелись и продали их некогда общую квартиру.

Жена с дочкой последовали за тестем с тёщей, эмигрировавшими в Америку, а ему напоследок разрешили пожить в проданной квартире, до появления из-за границы её новых хозяев.

Два слова о том, как Грешнов познакомился с женой.

После госпиталя Георгий вернулся в Москву. Вечером того же дня, он поехал к старому другу отставному капитану Брусникину, работавшему на тот момент в ЧОПе и охранявшему Большой зал Московской консерватории. Друг дал ему билет с местом на первый ряд, предложил прослушать концерт.

Прохаживаясь перед сценой до начала представления, Юра обратил внимание на девушку, сидящую в ложе. Как только глаза их встретились, девушка поздоровалась.

Дождавшись окончания первого отделения, Грешнов подошёл к ней и представился. Что-то путано невпопад говорил, но девушка смеялась и с удовольствием продиктовала свой телефон.

Очень скоро они поженились. Когда родилась дочь, жена с Юрой в часть не поехала, осталась с родителями в Москве. Должен же был кто-то жить в их новой кооперативной квартире. А дальше всё, как в калейдоскопе. Увольнение со службы, развод, дочь с бывшей женой уехала в Америку, а он остался среди ненужного хлама, накопившегося за долгую жизнь в Советском Союзе её родителями.

У стариков не хватило решимости отдать антиквариат в комиссионный, а у бывшей жены на это не было времени, она очень торопилась «сменить группу крови», – так она называла эмиграцию. Майор в отставке на мебель рассчитывал, но всё откладывал в дальний ящик.

Грешнов продолжал осмотр интерьера и с удивлением отметил, что целый год он проспал на продавленной раскладушке, хотя два добротных, вполне пригодных дивана стояли, прислонённые к стене, поставленные на попа.

«Сегодня же избавлюсь от раскладушки и буду спать на диване», – решил Юра и вздрогнул от ожившего телефона.

Звонил капитан Брусникин.

– Не поверишь. Работаю в цирке. Не смейся. Оператором развлекательных машин, – с нездоровой весёлостью стал сообщать друг.

– Как ты туда угодил? – поинтересовался Юра.

– Самым естественным образом. Шёл по улице, смотрю – объявление «Требуется». Я и устроился. Ты прости, выпить сейчас не могу, в завязке. А так бы встретились, посидели. Тут на днях пива вместе с джин-тоником выпил и весь пожелтел. Приехали два хама на скорой, унижали. Говорили, что в больницу не возьмут. Всё это при жене, при детях. Представь, вся правая сторона отекала. Шестнадцать дней в больнице провёл, капельницы ставили. Откапали. Можно сказать, откапали. С того света, с могилы достали. Жена ругает, говорит, что я бесхарактерный. Условие поставила. Если ещё хоть раз выпью – выгонит. Врач кучу лекарств прописал, и от сердца, и для поджелудочной, и для печени. Такая вот музыка, – потухшим голосом закончил Брусникин.

– В самом деле, цирк? – решил приободрить друга Грешнов.

– Серьёзно! – оживился капитан. – По крайней мере, у меня там лежит трудовая и, возможно соприкасается с трудовыми клоунов, жонглёров, воздушных гимнастов. Коллектив ничего, хороший. За исключением двух-трех мерзавцев. Мне выпить хочется, да не могу, а они пьют в открытую, и их даже не ругают. Отговариваются тем, что якобы лекарства на спирту принимают. Один из них мне хвастался, что троих уложил одной левой. А там смотреть не на что. Грифели от карандаша толще, чем у него руки. Он и третьеклассника уложить не сможет. Ложь отродясь не переносил, всегда обличал, а вот теперь, приходится молчать, и даже поддакивать, так как он сожительствует с нашей начальницей. Она страшная, заплати, не станешь, а вся власть у неё. И приходится лебезить.

– Опять загрустил?

– Да нет. Просто в последнее время всё из рук валится. По-моему, тёща меня сглазила. Был год змеи, она за столом напилась и мне открытым текстом: «А ты знаешь, что я змейка? И я тебя укушу». С тех пор всё никак в себя не приду. Она ведьма. Точно-точно.

– На ведьму у нас крест и молитва.

– Это правда. Заболтал я тебя. Давай, сам звони, не забывай старого друга.

Не успел Грешнов сказать тёплых слов прощания, как услышал в трубке короткие гудки.

– Цирк? Клоуны? – говоря вслух, Юра стал что-то припоминать. – Точно! Мне же клоун сегодня приснился.

Это был злой клоун. В рыжем парике с красным поролоновым носом в форме шарика. В синих турецких шароварах и весёленькой красной жилетке на голое тело. Обут был в ботинки с чрезмерно вытянутыми носами. На руках у клоуна были надеты боксерские перчатки, которыми он бил Юру с такой силой, что тот летал, выделявая в полёте сальто-мортале. Не так было больно, как досадно, ибо во сне Грешнов пребывал в полной беспомощности. Ни ноги, ни руки не слушались.

«Кого же этот клоун напоминал?» – силился Юра вспомнить и не без улыбки понял, кого. В прошедшую субботу он ездил в Храм Христа Спасителя приложиться к Святым мощам Благоверного князя Александра Невского, привезённых для поклонения из Санкт-Петербурга из Лавры. Ажиотажа не наблюдалось. Людей было немного, всё проходило по-домашнему. Каждому вручалась памятная иконка. А у самого ковчежца со Святыми мощами стоял двухметровый молодой человек с боксерской осанкой, настоящий супертяжеловес. На ногах кроссовки, джинсы, поверх синей рубашки надето церковное одеяние. И, если на священнослужителях подобное церковное облачение сидело свободно, то его могучий торс оно обтягивало и походило более на длинную стилизованную майку.

Супертяж был бессменным охранником ковчежца и устал. Это был простой парень, из тех, кто за веру православную не задумываясь, жизнь отдаст. Но при том при всём от церковной жизни человек далекий. У каждого мужчины, прикладывающегося к мощам, он спрашивал сигаретку. А так как никто не давал закурить, то не надеясь на силу слова, «боксёр» подкреплял просьбу мимикой и характерным жестом – «курил» двумя пальцами невидимую сигарету. Из всех сил охранник демонстрировал, что нуждается в перекуре. Но не находил сочувствия. На его лице так и читалось: «Что же это делается, православные?». Он не мог взять в толк, почему его никто не угощает сигареткой?

«Так и есть», – решил Юра. – «Я хоть и по-доброму, но посмеялся в душе над ним. За это пришла расплата. Он явился ко мне во сне и проучил».

Во входную дверь смело, по-хозяйски позвонили, и в замке сразу же заворочался ключ.

«Вдруг дочка?» – мелькнула слабая надежда.

Но в прихожей стояли два красивых молодых человека в светлых дорогих костюмах и приветливо смотрели на него.

– Стаканы найдутся? – спросил тот, что был пониже ростом и покоренастее.

– Проходите на кухню. В буфете, – предложил Грешнов, всё ещё не желая верить в очевидное.

Собственно, удивляться было нечему. Новые хозяева должны были вселиться в квартиру ещё год назад, но не объявлялись. И Грешнов свyksя с мыслью, что авось, и совсем не придут. Бывают же чудеса. Не случилось.

Познакомились. Тот, что был ростом повыше, сухощавый, представился Александром Дроздовым, а коренастый, пригласивший к выпивке, Сашей Сушко.

Оправдываясь за беспорядок, царивший повсюду, Георгий заметил:

– Ждал вас год назад.

– А мы ждали отпуска, – парировали новые хозяева. – Мы же трудимся за рубежом. Так просто не сорвёшься, не вырвешься. Всё строго по графику.

Пока пили первую-вторую, разговор не клеился. Не помогали даже весёлые анекдоты, которыми щедро делились пришедшие. Грешнов нервничал, и это чувствовалось.

«Да. Привыкает человек к жилью, – думал Юра. – Сейчас, кажется, полжизни бы отдал, чтобы оставили меня в этой квартире. Старее. Не думал, что будет так тяжело расставаться с этой грязной берлогой».

– Ты чего это, Георгий, весь в шрамах? Весь резанный-перерезанный, – мягко, по-родственному поинтересовался Саня.

Юра сидел на кухне в одних трусах, видимо, новых хозяев это смущало.

Окинув взглядом грудь, живот, руки и ноги, Грешнов тихо ответил:

– Издержки профессии. Жена вам обо мне не говорила? Я – разведчик.

– И мы разведчики, но таких росписей у нас на теле нет.

– Так я же военный, а вы, наверно, штатские. Служба службе рознь. Кого вам в Австрии резать? Разве что штрудель. Ваше оружие – обаяние да коньячок.

– Ты, Гоша, не разведчик. Ты – контрразведчик. Сразу определил, откуда мы прибыли. Знаешь, как говорят, когда хотят подковырнуть? К примеру, льстит тебе неприятный человек, обнимает, объясняется в любви: «Я бы с тобой пошел в разведку». А ты ему на это отвечаешь: «А я бы с тобой в контрразведку».

Молодые люди в светлых костюмах заразительно рассмеялись. От них веяло доброжелательностью и любовью. Алкоголь всё же делал своё дело. Когда водка закончилась, стали пить виски.

В коридоре раздался неприятный звук. Это завизжала «болгарка». Пришедшие вслед за ребятами рабочие, не теряя времени, снимали старую и устанавливали новую железную дверь.

Александр Дроздов с убеждением в голосе сказал:

– Георгий, не спорь. Тебе нужны деньги. – И вместе со словами полез в карман. То же самое сделал и его товарищ.

– Нет-нет. Спасибо, – благодарил отставной майор. – Приму душ, если разрешите и пойду.

– О чём ты говоришь? Живи, сколько хочешь, – радушно и чистосердечно почти в один голос сказали ребята, насильно вкладывая ему в руки зеленые американские бумажки.

Скорее всего, они так не думали, но предложили искренно, от всей души, так, что хотелось верить.

«Профессионалы. Не зря свой хлеб едят», – думал Грешнов, стоя под холодными струями воды.

Когда он вернулся на кухню, «профессионалы» беседовали о Великой Отечественной. О советских военных начальниках. Юра присел на табурет и стал слушать.

– А Рокоссовского за что арестовали? – спрашивал Саня.

– По обвинению в связях с польской и японской разведками. Тридцать седьмой год.

– Было за что?

– Стал жертвой ложных показаний. Тухачевский оговорил комкора Кутикова, тот ложно показал на комкора второго ранга Великанова. А тот уже на Рокоссовского. Такая вот чехарда была. Начальник разведотдела Забайкальского военного округа дал показания, что Рокоссовский в тридцать втором году встречался с начальником японской военной миссии в Харбине. И в августе месяце тридцать седьмого, в городе Ленинграде, Константина Константиновича арестовали. Пытали два с половиной года. Выбили зубы. Сломали не то шесть, не то девять ребер. Молотком перебили все пальцы на ногах. На ложный расстрел два раза выводили, к стенке ставили.

Был такой начальник Ленинградского УНКВД по фамилии Заковский. Он Рокоссовского лично пытал.

– А как же Михаил Кольцов? Он писал, что Рокоссовский всё это время находился в Испании под псевдонимом Мигель Мартинес.

– Это ложь. В марте сорокового, по ходатайству Тимошенко, Рокоссовского реабилитировали, восстановили в правах, в партии, в должности. Поехал той же весной в Сочи с семьей. В том же сороковом получил погоны генерал-майора. Вернули место командира в своём пятом

кавалеристском корпусе. Вот так. Два или три суда было. Все это время он проторчал во внутренней тюрьме на Шпалерной. И вот, двадцать второго марта тысяча девятьсот сорокового года восстановили во всех правах. Впрочем, об этом я уже говорил.

– А что этот садист? Должно быть. Тоже до высоких чинов дослужился?

– Тот, что будущего маршала пытал? Заковский Леонид Михайлович. Настоящее имя – Штубис Генрих Эрнестович.

– Немец?

– Латыш.

– Какими глазами он, гад, потом на Рокоссовского смотрел?

– А не смотрел.

– стыдно было? Совесть мучила?

– Об этом ничего не известно. В апреле тысяча девятьсот тридцать восьмого года его уволили из НКВД, исключили из партии, арестовали.

– Так ему и надо.

– Разумеется, все это проходило в обратном порядке. Арест, исключение и так далее. Он был обвинен в создании латышской контрреволюционной организации в НКВД. А также в шпионаже в пользу Германии, Польши, Англии. Расстрелян двадцать девятого августа тысяча девятьсот тридцать восьмого года. По приговору ВКВС на Коммунарке.

– Вот это да! Вот это судьбы!

– Времечко ещё то было. С легким паром, Георгий.

– Спасибо, – поблагодарил Грешнов и за деньги, и за «легкий пар», потрясенный услышанным не менее Сани.

Коренастый Сушко не унимался:

– Так ты скажи мне определённо, кто командовал Первым Белорусским? Рокоссовский или Жуков?

– С Первым Белорусским такая же неразбериха была. Образован был двадцать четвертого февраля сорок четвёртого года. А пятого апреля того же года – упразднён. И через одиннадцать дней, пятнадцатого апреля, восстановлен и просуществовал до конца войны. В его состав входили: третья, десятая, сорок восьмая, пятидесятая, шестьдесят первая, шестьдесят пятая и шестнадцатая воздушная армии. Сначала фронтом командовал генерал армии Рокоссовский. С июня сорок четвёртого – уже маршал Рокоссовский. И командовал он по ноябрь сорок четвёртого. С ноября, до конца войны фронтом командовал маршал Жуков. Теперь понятно?

– В общих чертах.

– Молодец. Чтобы Георгий не томился, давай на посошок с ним выпьем.

«Вот тебе и живи, сколько хочешь», – поднимая стаканчик, думал Юра, – «молодцы!».

Грешнов и предположить не мог, насколько болезненным будет расставание с квартирой, в которой жил все последние годы. Но не ползать же на коленях. Умоляй, не умоляй, всё равно, не оставят. Судьбу антикварной мебели и других оставшихся вещей Юра всецело вручил на рассмотрение новых хозяев. С собой, уходя, взял только документы. Отправился к матушке, так сказать, налегке.

На прощание он крепко пожал руки Сане и Александру, ещё раз поблагодарил за деньги.

Глава 2

Долгая дорога к отчому дому

Дорога к отчому дому неспешным шагом занимала минут сорок. Юра прошёл мимо гаражей, благополучно миновав свору злобных собак, обыкновенно накидывающихся с лаем на всех прохожих. Заметив Грешнова, «жучки» и «бобики» скоренько ретировались.

Миновал портретную галерею у здания бывшего райкома. Это была доска почёта лучших людей округа. Вторым справа, в белом костюме красовался доктор философии, занимавший должность генерального директора похоронной конторы.

Переходя по мосту автострады, Юра с тоскою взглянул на поезд, медленно двигавшийся вдоль перрона той станции, где не собирался останавливаться.

В окнах вагонов были хорошо различимы лица пассажиров. Женщина в белом парике ела курицу, мальчик в рубашке с короткими рукавами и очках пил газированную воду.

Мелькнула мысль: «Вскочить бы на подножку и уехать в неведомую даль». Отставной майор справился с этим желанием только тогда, когда последний вагон исчез из вида.

Подходя к дому, в котором он родился и провёл юность, Грешнов стал свидетелем безобразной сцены. Физически крепкий молодой человек двадцати лет схватил за ворот джинсовой куртки молодую девушку и тянул её туда, куда той явно не хотелось идти.

Ни молодого человека, ни девушку Юра не знал, но пройти мимо насилия не позволяло воспитание.

– Оставь её, – попросил Грешнов молодого человека.

Насильник, игнорируя обращённые к нему слова, продолжал внушать своей жертве:

– Сейчас пойдем ко мне! И эту ночь ты проведешь у меня!

Юра дал злодею пинка.

– Ты что, не слышишь меня? Я с тобой разговариваю.

– Слышу! – заорал молодой человек, стараясь напугать сильным голосом. – Иди, куда шёл! Хозяйничать будешь у себя дома!

Он сделал попытку оттолкнуть Грешнова, уперев пятерню в его лицо.

От растопыренных пальцев Юра легко уклонился и нанёс нападавшему точный короткий удар «под дых». И настолько удачно попал, что не успел даже сказать: «Вот мой дом», как злодей повалился на землю и застонал.

Спасённая девушка убежала, не поблагодарив, что Грешнова не сильно расстроило.

Юра склонился было над поверженным насильником, чтобы оказать ему первую помощь, но тот уже пришёл в себя и от протянутой руки отказался.

За спиной отставного майора послышались аплодисменты. Это был брат Василий, по прозвищу Шалопут.

– Сердцем чувствовал, что скоро вернёшься, но что с таким триумфом.

Братья Грешновы зашли в магазин, купили бутылку водки, колбасу, хлеб и пошли в овраг, на левый берег реки Сетунь.

Там Василий наломал сучьев, развел костер, тут же выкопал картошку с чужого огорода для запекания в углях. И братья стали пить, есть, беседовать.

– Обвиняют меня, что я сочиняю истории, – говорил Шалопут после первой, – так я же этим удовлетворяю насущную потребность человечества в осмыслении жизненного опыта. Раньше где мудрость искали? В философии, науке, искусстве. Посредством их изучения старались достичь знания, открывающие понимание жизни. Но кому сейчас нужна философия и всё остальное? Время ускорилося. Только в анекдотах мудрость и черпают. А кто первый анекдотист? Ваш покорный слуга.

Глядя на Василия. Хлопотавшего у костра, Юра усмехнулся точности прозвища, которым, не желая того, наградила своего среднего сына матушка.

Георгий вспомнил, что в последний раз видел брата на Новый год, когда с Нолой они собирались в гости ко Льву Львовичу, но так получилось, – оказались «на ёлке» у Василия.

Со стороны реки к затухающему костру подошла серая совершенно ручная крыса. Спокойно взяв предложенный кружок колбаски, не убежала, а стала вкушать угощение, сидя на задних лапах в приятной компании.

– Ну чем она хуже белки? Вот только хвоста пушистого у неё нет, – попенял создателю Василий и, выпив с братом по очередной, округлив глаза, выпалил. – А ты знаешь, какая история случилась с Лёвой Ласкиным? Я тебе по секрету расскажу. А что правда в ней, что вымысел, – судить не мне. Будет желание, – сам у Гимнаста спросишь.

Василий налил себе внеочередную, выпил, и его понесло.

– Должно страстям прийти в мир, но горе тому, через кого они в мир приходят. Говорят, бог создал человека свободным, а через эту свободу в мир пришло зло и стало разрастаться. Какие правильные слова: «Буду делать хорошо и не буду плохо». Не то, что делать, – думать плохо не следует. Потому что сначала подумаешь, затем скажешь, а там и сделаешь это самое «плохо». Таков закон, незнание которого не освобождает от ответственности. Глупцы мы, когда полагаем, что хозяева своей злобы. Мы её пленники. Пуская зло по свету, каждый должен знать, что оно бумерангом возвращается к тому, кто его запустил. С чего всё началось? С того, что молодая на тот момент жена ныне почившего Николая Сергеевича Паря возвращалась с работы домой. Отдельной строкой выделю, что на тот момент была она очень порядочной женщиной. Стоял жаркий, несмотря на конец лета день, и она, разомлев, остановилась на мгновение у подъезда. А там наши бабки сидели, сплетни плели, всех судили-казнили, по косточкам перебирали-раскладывали. Спросили Зинаиду о муже, а она возьми и скажи, что супруг в командировке на запуске ракеты. Что тут началось! Все старухи ожили, стали задавать вопросы один бесстыднее другого: «Откуда возвращаешься такая довольная, к ухажеру бегала?». И всё в этом духе. Покраснела Зинаида, ответила им, бессовестным, что муж у неё любимый и единственный её мужчина, и что она не изменяла ему даже в мыслях. Старухи на смех её подняли, назвали дурой. Уж кто-кто, а они в бесстыдстве знали толк. На ткацкой фабрике всю жизнь проработали, жили в бараках, да общежитиях. По себе судили. Кто бы мог подумать, что с этих насмешек, с этого душного вечера начнётся процесс ниспадения личности, закончившийся настоящей бедой. Далее, как запомнил, передам тебе слова самого Лёвы Ласкина. Я ему не судья, рассказ его важен для понимания того, что впоследствии произошло. Он тогда работал в нашей школе физруком. Слово Леону: «Переспал я первого сентября с удивительно красивой и до странности порядочной женщиной, женой крупного заводского начальника. Она искала во мне опору, ей необходимо было выговориться, а у меня, глядя на неё, все мысли были только об одном. И настолько сильно было в ней желание рассказать о своём наболевшем, что она практически без колебаний отдала мне своё тело, а затем, наконец, добившись внимания, всю ночь изливала душу. Я получил то, что хотел, а она, как мне показалось, ничего не потеряла, не стала развратнее. Мужу, в вульгарном понимании этого слова не изменила. Думал, что это первый и последний раз. Но не прошло и двух дней, как любившая постельные исповеди женщина снова оказалась в моей кровати. Лежа на спине, она смотрела в потолок и досадовала на супруга: „Ты не имеешь права на отрицательные эмоции, не смеешь плохо выглядеть, тебе запрещается иметь собственное мнение. Сотни тысяч „НЕ“. А на что же я имею право? Смотреть за ребенком, обслуживать мужа день и ночь и при этом помалкивать?“. Я слушал жалобы Зинаиды, оглаживал её холёное тело, а про себя замечал, что голос её по мере учащения моих ласк, начинает всё сильнее дрожать, а затем и вовсе срысывается в стон сладострастия. Не верил я в то, что она говорила. Признаюсь, что и угрызения совести не испытывал. Проблемы с совестью, да и не только с совестью начались тогда, когда

она пришла ко мне в третий раз. Дело в том, что пришла она пьяная. На улице шёл дождь, было грязно. А она прошла в комнату не раздеваясь и не разуваясь. Прямо в плаще и сапогах, с которых стекала земля и глина, грохнулась на диван. В ту ночь амуров не было. Я выполнял роль нечто среднее между врачом и уборщиком. Подавал лекарства и воду, выносил тазик, в который её постоянно тошнило. Провожая, попросил об одолжении, – в таком виде ко мне не являться. А лучше и вовсе позабыть дорогу к моему дому. Последняя часть напутствия была сказана под воздействием усталости и раздражения. Очень скоро я об этом пожалел. Зинаида перестала ко мне приходить, но супругу изменять не перестала. К тому же измены её стали принимать всё более опасный характер. Где-то через неделю после нелицеприятного объяснения, направляясь в магазин, я заметил Угарову в компании десяти подростков, учеников старших классов той школы, в которой я работал преподавателем физвоспитания. Зина спускалась в подвал выселенного двухэтажного дома. Я не смог пройти мимо и последовал за ней. Там, на старом обшарпанном диване, в косых лучах заходящего солнца, она лежала совершенно нагая. А вокруг, толкаясь и подхихикивая, толпились мои ученики. Кто-то был уже без штанов, кто-то только расстегивал молнию, намереваясь их снять. Она была не в себе, поторапливала. Школьников я уговорил разойтись. Кто-то сразу образумился, внял словам, кому-то пришлось дополнительно треснуть по шее. В тот же день я привёл заблудившуюся жену к мужу. Рассказал о том, что у меня с ней было, и о том, откуда только что мы пришли. Я готов был ответить за нанесённый моральный ущерб, но в тот момент просил только об одном. Чтобы за больным человеком, а в том, что Зинаида была психически больна, не оставалось сомнений, наблюдали бы самым строжайшим образом». Вот, собственно, и весь его рассказ. То, что Лёва-Гимнаст рассказал по существу данного вопроса. Но на этом, как ты понимаешь, история не заканчивается, а только начинается. Николай Сергеевич – не последний человек на производстве, был вечно занят и просьбам Леонида не внял. Конечно, если таковые имели место. Вскоре за его женой приехали санитары из психбольницы. Их вызвали сердобольные прохожие, обычные люди, которым невыносимо было наблюдать за ужасным зрелищем. Голая, с распущенными волосами, Угарова носилась по двору, матерно ругалась, требовала чтобы всё мужское население земли немедленно вступило с ней в половое сношение. Увезли её, болезную. Ну а дальше, – общежитие автобусного парка.. Если бы не милосердие моего друга, Гриши Бунтова, пропала бы совершенно. Он её пожалел, женился на ней. И теперь она измученная, совсем на себя не похожа. И вот, что я по этому поводу думаю. Жила себе честная женщина. Но встретились ей на пути приподъездные ведьмы. Сбили её с правильного пути. Подвернулся Леон, который их чёрное дело закончил. И не видать теперь Зинке счастья, спокойной, безмятежной старости. Где её дочка, что с ней? Говорят, колют уколы, поставлена на учёт. Пробовала вести счеты с жизнью. Хорошо, успели помешать. А что дальше? Неизвестно. То есть, конечно, известно, но не хочется об этом даже помышлять. Оставим ребёнка в покое, вернёмся к нашим героям. Надо же тебе узнать, чем дело закончилось. Николай Сергеевич Парь, он на то и поставлен был крупным руководителем, чтобы связи иметь и обид никому не прощать. Пользуясь знакомствами, потянул он за нужную ниточку, и руками нечистоплотных сотрудников правоохранения, именуемых «оборотнями в погонах», задержал учителя физкультуры, всеми нами любимого Льва Львовича Ласкина. И наш бедный Леон, стараниями «оборотней» из задержанного последовательно превратился в подозреваемого, затем в обвиняемого, и, наконец, после показательного суда, в осужденного. К сказанному добавлю только то, что бывшие его ученики, те, кого прогнал он из подвала, наученные следователем, сделали всё, чтобы их учитель остался в тюрьме навсегда. Тут бы злобе остановиться. Но куда там. Разгулялась, как в сухом лесу пожар. Суров приговор, но Николаю Сергеевичу этого мало. Потребовал для осужденного особых условий содержания. И тюремные власти были рады стараться. Только узнав об исполнении своих требований, Николай Сергеевич успокоился. По его указке могли бы и убить, но он оставил живым учителя физкультуры. Времена не стоят на месте. Поменялась власть, Николай

Сергеевич остался не у дел. А новое следствие по сфабрикованному делу полностью сняло с Ласкина все обвинения, и он вскоре оказался на свободе. И тут семена посеянной злобы дали свои всходы. Гимнаст отомстил всем. И новые власти, а точнее, полное безвластие, царившее на тот момент, на совершаемые им злодеяния закрывало глаза. Он начал с лжесвидетелей, бывших учеников своих. Видимо, из мучений и унижений вынес только один урок – надо мстить. Расправился и с судьей, и с прокурором, и с заседателями, и с машинисткой, печатавшей приговор. Даже конвоиров не пожалел. Расправился со всеми жестоко, а главное, безнаказанно. И я не открою Америки, если скажу тебе, что вся власть в нашем районе теперь принадлежит ему. Куда катимся? И чем всё это закончится? Чувствую, прольются нам на голову серные дожди.

Допив водку, подкрепившись печёной картошкой, братья Грешновы оставили овраг и направились в сторону нового комиссионного магазина.

За последние семь лет здание, в котором открыли новый комиссионный, горело четыре раза и столько же раз меняло хозяев. Находясь год назад в гостях у матушки, Юра запомнил это здание лежащим в руинах. Но вот чудеса, – витрины снова светились огнями, приглашая к себе покупателей.

Но не за покупками шли в магазин братья Грешновы. Василий вел Юру в комиссионный, как ведут к себе в новый дом. И действительно, встретили их там по-домашнему, так, как встречают самых дорогих и близких людей.

Прямо на пороге к ним подбежал Гриша Бунтов, как впоследствии выяснилось, директор магазина. Григорий заискивающе улыбался, держа правую руку Юры двумя своими.

– Милости просим, – бормотал он при этом.

Директор проводил гостей в комнату отдыха персонала, где был накрыт огромный стол.

Из сидящих за столом Юра узнал только Нину Начинкину. Незнакомых ему мужчину и женщину представил Бунтов.

– Народный целитель Валентин Валентинович Мартышкин, а это моя вторая половина – Зинаида Угарова.

Юра вопросительно посмотрел на брата. Василий закрыл оба глаза и многозначительно кивнул. После чего представил компании отставного майора во всех мыслимых и немыслимых регалиях.

Наконец все уселись за стол и запиновали. Много пили и много говорили.

Василий рассказал во всех красках о том, как Юра расправился с Гавриловым. Все одобрительно рассмеялись. Георгий попытался выяснить, кто он такой, этот Гаврилов, но его не слышали. Вспомнив о жалобах на здоровье капитана Брусникина, отставной майор поинтересовался у Мартышкина, чем сейчас лечится гепатит, какие есть народные средства.

– Желтуха? – оживляясь, переспросил целитель и тут же выдал рецепт. – Нужно взять живую щуку и смотреть ей, не моргая, прямо в глаза до тех пор, пока она не уснёт. После чего необходимо произнести заклинание: «По щучьему велению, по моему прошению, пусть моя болезнь перейдет в тебя. Ты пожелтеешь, я порозовею и выздоровею». С этими словами следует выпустить щуку в воду. Чем больше уверенности в успехе, тем больше шансов выздороветь.

– Какая щука? – возмутился обманутый в своих лучших ожиданиях Юра. – Человек пьёт десять лет всё подряд, наверное, уже цирроз заработал. Хотите, чтобы по-щучьему велению всё в одно мгновение прошло? Так не бывает.

– Ты не поверил Тин Тинычу потому, – смеялся Вася, – что получил безвозмездную консультацию. Уверяю, что если бы заплатил, то обязательно бы поверил.

Мартышкин, обиженный недоверием и насмешками, отвернулся, давая теми самым понять, что не желает больше ни о чем говорить.

Начинкина, всё это время подливавшая водку в Юрин стакан, вдруг откровенно спросила:

– Сознавайся, Жорка, что тебе от меня надо? Я согласна на всё.

Заметив испуг в глазах Василия, Бунтов пришёл на помощь:

– Никаких уединений! У нас компания. Общество дружелюбных алкоголиков.

Опять пили, смеялись над побитым Серегой Гавриловым. Юра рассказал свой сон, в котором бил его клоун в боксерских перчатках. Оживился директор магазина и поведал о своих грёзах, связанных с цирком. Сны директора носили навязчивый характер.

Григорию снилась арена, по которой он вынужденно наматывал круги, сидя на старомодном велосипеде с громадным передним колесом и маленьким задним.

– Представляете, – говорил Бунтов, делая страшные глаза. – Кругов восемьдесят за ночь нарезаю, совсем как в фильме Александрова «Цирк». Мне бы слезть с велосипеда и идти. Я, катаясь, знаю, что это сон. Но неведомая сила заставляет крутить это чёртово колесо и наматывать круги. Очень страшно.

И долго ещё продолжалось прекраснодушное настроение, пока, как водится, не принялись искать общего врага. И очень скоро враг нашёлся. Все сидящие за столом согласились, что хуже этого человека нет никого и тотчас отправились на его расправу.

Враг жил рядом, в их тринадцатом дворе, в доме, где теперь с женой и дочкой проживал Василий. Квартира врага располагалась на первом этаже.

Нина и Зина изо всех сил давили на кнопку звонка. Мужчины барабанили кулаками и пинали ногами в деревянную старую дверь. Гриша Бунтов кричал:

– Открывай, сволота! Смерть твоя пришла!

Послышались шаги, повернулся ключ в замке и дверь открылась.

Прибежав с ватагой бить злодея, Георгий к своему удивлению отметил, что этот страшный человек – ни кто иной, как его школьный учитель по математике. Друг покойного отца, самый добрейший из всех тех людей, которых он знал.

– Борис Борисович? – только и смог вымолвить Юра.

Он оглянулся. Сподвигнувших его на «геройство» и сопровождавших к месту расправы и след простыл. Остался один Василий, который и сам только что опомнился.

– Как ты мог? – спросил у него старший брат.

– Да иди ты, – выругался, покрасневший от стыда Шалопут и сам пошёл вслед за убежавшими приятелями.

Юра остался один.

– Не ожидал, Георгий, в такой компании тебя увидеть, – посетовал Бурундуков и радушно пригласил. – Что ты стоишь, как чужой? Заходи.

Глава 3

Всё возвращается на круги своя

Шагая за Борисом Борисовичем, Юра проследовал на знакомую с детства кухню, излюбленное место посиделок и бесед.

В доме учителя математики всегда был свежесваренный чай и мёд. Собственно, из-за сладкого янтарного лакомства Бунтов и обозлился на Бурундукова. Григорию доставили, как он уверял, замечательный мёд с Алтая. Было представлено обильное разнообразие – мёд липовый, цветочный, гречишный.

Директор комиссионного отвёл в своём магазине уголок, где продавалось всё это многообразие сладкого сиропообразного вещества, вырабатываемого пчелами из нектара. Народный целитель Мартышкин представил на эту продукцию гербовое медицинское свидетельство, в котором говорилось, что чудо-мёд излечивает от всех болезней, включая ещё не открытые наукой.

А Борис Борисович определил, что сладкое сиропообразное вещество мёдом не является. А так как учительскому слову верили, то весь купленный товар вернули в магазин. Пришлось директору возвращать людям деньги.

Спросите, откуда у учителя математики такое знание мёда? Всё просто. Бурундуков родился и вырос на пасеке и о пчелах знал всё и всегда, невзирая на препятствия, Борис Борисович старался держать улы. Не изменил себе, даже проживая в городской квартире.

Пчелиные домики стояли у него даже на подоконниках. В нижней части оконных рам были сделаны проходы, соединенные с летками ульев. Пчелы через эти проходы в рамах попадали на улицу и возвращались домой. И всегда у учителя математики был свой натуральный мёд.

Грешнов выпил чашечку ароматного душистого чая, хотел рассказать Борису Борисовичу о последних годах своей жизни, но им не дали побеседовать.

Раздался долгий настойчивый звонок в дверь, хозяин квартиры привычно легко оторвался от чаепития и пошёл открывать.

– Кто это в третьем часу ночи? – с напускной строгостью спросил он.

– Это я, твой сосед, Валерка Бахусов, – донеслось из-за двери, – открывай.

Бурундуков пустил ночного гостя и проводив его на кухню, предложил чая с мёдом.

Валера поздоровался с Юрой, размешал мёд в чашке и стал жаловаться:

– Хорошо у тебя, Борисыч, спокойно. А у меня – чёрт знает что. Пришёл с работы, зашёл в уборную, а бумаги нет. Только вчера на сливной бачок новый рулон поставил. Сынульки уже израсходовали. И всё отец плохой. Не кормит. Скоты неблагодарные! Вот я всё думаю, почему на свете царит такая несправедливость? Батя мой так избил мать по пьянке, что она от побоев умерла. Нас с братом смертным боем бил, хотел, чтобы людьми стали. Но не случилось. Батя умер от цирроза, а братишка в расцвете лет погиб. Свои же друзья из-за куска мяса зарезали. Жена моя, Капитолина, умерла от несчастного случая. толкнул-то её несильно, а она поскользнулась и головой о подоконник. Гематому заработала. Попала в больницу. а там известное дело – врачи зарезали. Ответь мне, Борисыч, почему жизнь – такая глупая штука? Вот живу я и не знаю, зачем. Не знаю, зачем другие живут, да и нужно ли им в таком случае жить? Тебе скажу, как на духу. Моя бы воля, я бы всех – в газовую камеру.

– И сыновей своих? И меня?

– Тебя – в первую очередь.

– За то, что деньги тебе последние безвозвратно даю?

– За это. И за то, что ты, имея много денег, живёшь, как нищий.

– Ты считаешь меня богатым потому, что всем займы даю? Но это не так. Я зачастую на одном хлебе и воде сижу.

– И на мёде, – злорадно поддел учителя его бывший ученик.

– И на мёде, – согласился учитель.

– Тем более заслуживаешь газовой камеры. А ещё называешься заслуженным. Не заслуженный ты, а – так себе. Хотел сказать другое слово, но промолчу. Не ругаться я пришёл, и даже не займы просить. Горе у меня, Борисыч. Врачи, будь они прокляты, метастазы у меня нашли. Что делать? Подскажи. Может, свечку поставить или ведьмака какого найти, чтобы заговор надо мной прошептал? У меня же дети. Умру, кто кормить их станет? Почему таких, как ты, никчёмных, болезни стороной обходят? А люди весёлые, заводные, болеют и умирают? Брат Аркадий ушёл в расцвете лет, никому зла не сделал. Упрёт, бывало, с мясокомбината свиную ногу, – обязательно со всеми поделится. Отец скончался совсем молодым, помнишь его?

– Я всё помню. Даже твою торжественную клятву у его гроба. Что ты говорил? Что ни капли водки больше в рот не возьмешь, и своих детей никогда даже пальцем не тронешь. Как же громко ты клялся.

– Так на то они и клятвы, чтобы их нарушать, – засмеялся Бахусов. – Я же всё это по молодости говорил. Был глуп, с годами отца стал понимать. В стране нашей не закладывать за воротник, – дело немыслимое. А детей растить без рукоприкладства нельзя.

– Так чего же ты хотел? – искренно удивился Борис Борисович. – Пошёл след в след по отцовской дороге, думал к другому результату прийти?

– Да, – громче прежнего засмеялся Валера. – Если честно, думал – к другому. А хотел я автослесарем на автобазу устроиться. И хорошую справку у Мартышкина купил. Так нет же, заставили анализы сдавать. А там – метастазы. Эх, нет и не будет счастья на земле.

– Сегодня я твоему младшему за его «осеннюю работу» поставил «отлично».

– Значит, не останется на второй год, как мы в свое время с Генкой? Три года с Гамаюном в седьмом классе просидели, – обрадовался Валера.

– У тебя способный парень растет и будет учиться со своими сверстниками.

– Весь в меня. Бывало, отец пьёт, буянит, ни днём, ни ночью от него покоя не было. Утром сварить бульон, отнесёшь матери в больницу. Перед самым уроком учебник полистает, вспомнишь, – и в дневнике «пятёра». Значит, не всё так плохо? Может, Андрюшка, чиграшек мой, в люди выбьется? – В глазах у Валерия Николаевича затеплилась надежда.

Проводив Бахусова, Борис Борисович сказал:

– Намучался я с ними в своё время. Правду он сказал. У Валеры был друг, Гена Гамаюн, так они у меня три года в седьмом классе просидели, не хотели учиться. Они с пятьдесят третьего года. А ты?

– С шестьдесят третьего, – ответил Юра.

– Вас уже за уши не тянули, на второй год не оставляли. Ставили тройку в восьмом классе и – иди, гуляй. А теперь вот опять оставляем. Всё возвращается на круги своя.

– Не всё, – подумав, сказал Юра.

Ночную тишину двора нарушил красивый сильный оперный баритон, исполнявший арию Трубадура из мультфильма «Бременские музыканты».

– «Луч солнца золотого...» – выводил певец в ночной тиши.

– Что это? – спросил Юра.

– У Павла Терентьевича нашего новый друг, – смеясь, ответил Бурундуков. – Это первый муж Зины Угаровой, он рулады выводит. Устроился рабочим на мусоровоз. Пока водитель загружает контейнеры, он поёт.

– А Василий говорил, что она была замужем за Николаем Сергеевичем Парем?

– А этот до Паря был. Она за певца ещё в музыкальном училище вышла. А потом не сложилось, разошлись. В Гнесинском учились. Певец об этом Павлу Терентьевичу, а Огоньков – мне по-стариковски насплетничал.

Вышел отставной майор от Бориса Борисовича, так по душам и не поговорив. Домой не пошёл. Стоя на улице, Грешнов слушал, как певец-мусоросборщик выводил арию Ивана Сусанина из оперы «Жизнь за царя»:

– «Ты взойдешь, моя заря!

Взгляну в лицо твоё, последняя заря.

Настало время моё!

Господь, в нужде моей ты не оставь меня!»

Юра поспешил к гаражу Павла Терентьевича, влекомый магией красивого сильного голоса. самого певца не удалось застать, – уехал в кабине мусоровоза, зато нашёл новую компанию в гараже Огонькова. Этот знакомый всем с детства гараж был старше кирпичной пятиэтажки, в которой Юра жил практически с рождения, принесли туда месячным, провел детство и юность.

К гаражу Павла Терентьевича пристраивали другие гаражи, но они не приживались. Последним из снесённых был гараж Петра Истуканова. а гараж Огонькова всё стоял. Он походил на одноэтажный дом без окон. Двускатная крыша, полезная площадь – двадцать четыре квадратных метра, высота до потолка – два с половиной метра. Электричество, газ из баллонов. В гараже был кухонный стол для приготовления пищи, обеденный стол во всю длину гаража, он же гостевой. Был буфет, диван, кушетка, стулья, телевизор, приёмник, торшер. Чего в гараже не было, так это автомобиля.

Разумеется, сначала машина была. Трофейный «Опель», прямо из поверженного Берлина. Следом за ним, – «Победа». И последняя машина, ночевавшая в гараже, – так называемая «маленькая „Победа“», – «Москвич-401».

И большая и маленькая, были затем перевезены к кооперативным гаражам на край оврага. Лишились колёс, стёкол, двигателей. А корпуса были отнесены ещё дальше, – в сам овраг, где просуществовали довольно долго. Юра, будучи подростком, на заднем сидении одной из «Побед», робко объяснялся в любви Ноле Парь.

В гараже у Павла Терентьевича был тот самый Гимнаст, о котором говорил Василий. Он же Леон, Лев Львович, – Юрин сверстник, друг детства и юности.

Павел Терентьевич жарил рыбу с луком в чугунной сковороде. На плите, в огромной эмалированной кастрюле, варилась картошка. И как встарь, поглаживая кота Лукьяна, старик Огоньков рассказывал очередную интересную историю.

– Жили мы в Коломне, под Москвой, – говорил Павел Терентьевич. – Отец мотался сюда на работу. Потом, в тридцать седьмом, и я переехал. Устроился на завод простым рабочим. Кожемякин был начальником цеха, директор был Плоткин. Но он вскоре застрелился. Потом стал Мягков. В том году были большие разоблачения. «Ежовые рукавицы». Ну и куда меня? В подвал, воду откачивать. Начальник цеха ушёл, а я взял и заснул. Скучно в подвале сидеть. Идёт начальница, спрашивает: «Ты чего?» – «Ну, а что я? Сажу здесь, как кукла, не знают, чем занять». Говорит: «Приходи ко мне».

– Домой? – оживился Лёва.

– В кабинет, – сверкнув глазами, чтобы не перебивал, продолжал Огоньков. – Прихожу к ней в кабинет, думаю, сейчас пилить будет. Говорит: «Садись». Сел. «Мне в кузницу требуется молотобоец». Руки у меня были крепкие, развитые... Первым мне попался дядя Коля.

– А что за работа? – Лёва возвратил вопросом Павла Терентьевича в канву повествования.

– Кувалдой бить по горячему металлу. Он тебе молоточком показывает, куда. а ты бьёшь. Тогда станков молотильных не было, только вручную. Кувалда у меня была двадцать два фунта

веса. Аккуратненькая такая кувалдочка. Любил я её. Даже баловался. Заметила начальница, вызвала к себе. Говорит: «Слышала я, что ты балуешься. По холодной кувалдой бьёшь. Сколько раз ударишь по холодной кувалдой?».

– Это как? – поинтересовался Лёва.

– Пустая наковальня, ничего на ней нет, и бьёшь по ней кувалдой. Сколько сможешь ударить?

– Не знаю. А вы сколько ударяли?

– До двадцати четырёх раз. С размаху. По мягкому металлу – легче. Иной раз делать нечего, а здоровья много, и давай по холодной наковальне колотить. Начальница это увидела и спрашивает: «Паровозную ось перерубишь?». Говорю: «Перерублю, но только раскалите её». Понимаешь, зубило водой нельзя мочить. Бьёшь по нему, пока не затупится. А затупилось – выбрасываешь, берёшь новое. Зубило держат, а ты по нему бьёшь с размаху. И вот собрались: директор, начальник цеха, врач. Им интересно было посмотреть. Говорю: «Только близко не подходите». Не знаю, сколько, но сказали потом, что пятьдесят четыре раза маханул. Ось развалилась, и я свалился. Меня на носилки и – к начальнику в кабинет. Он закрыл меня там. Просыпаюсь, смотрю, – стоит спирт. Написано: «Спирт с водой. Пожалуйста, выпей». Потом приходит, говорит: «Иди домой. Вот тебе пятьсот рублей и отпуск». Я тогда на эти деньги два костюма купил, себе и жене. Ей – коверкотовый, а себе – бостоновый. И неделю отдыхал. А потом на кузнице мне надоело, специальности-то никакой. А я же – молодой человек. Ну и что решил? Пришел и говорю напарнику: «Давай, сегодня усердно поработаем». Поработали и я – бегом в заводскую поликлинику. Сразу в кабинет. Послушали, сердце, как овечий хвост, колотится. Дали мне справку. С этой справкой из кузницы освободили, поставили учеником на строгальный станок. Стали мне платить мало, как ученику станочника. Месяц работаешь, а платят среднесдельную, как за две недели. Как-то шли с работы, и я пожаловался другу: «Так и так». А он говорит: «А чего ты не свяжешься с ЦК профсоюзов? Ты же не с улицы устроился учеником, а по справке по здоровью». Поехал я в ЦК профсоюзов, там – Карнаухов. Здоровый такой мужчина. Спрашивает: «Ты в своём профкоме был? А в парткоме? Ладно». Берёт бумагу и пишет: «Платить ученические и среднесдельную. Карнаухов». Приезжаю, начальник на меня чуть матом не выругался.

– А тех, кто работал на станках, на фронт брали? – опять направил Лёва разговор в конструктивное русло.

– Брали, но не всех. Завод наш в июле сорок первого эвакуировали на Урал, в город Новая Ляля. Там и работали. Многих там похоронили. Хлеб выдавали по карточкам. Рабочим – по шестьсот грамм, а на иждивенцев – по четыреста. Потом война закончилась, завод вернулся на старое место. Поехал я в Германию за станками. Свой станок продольно-строгальный я из Берлина привез. Он две платформы занимал. А жили тогда в бараке. Пятнадцать лет с женой в бараке прожили.

– Про Германию расскажи.

– Да. Случилось это так. Сшили мне шинель на заказ. И с бумагой за подписью Сталина отправили в Германию. Дело в том, что завод «Телефункен» должны были демонтировать не немцы, а наши. Двадцать третья специальная рота. Немцев туда не допускали. Этой ротой командовал старший лейтенант Герой Советского Союза. Завод – радиотехнический, такой же, как и наш. И мы с завода всё оборудование вывезли, а стены взорвали. Но это они уже без нас сделали. Вроде как под бомбёжку попал, и спроса нет. В Берлине мы жили в генеральской гостинице. Но мы туда почти не ходили. Зачем ходили? Там каждое утро выдавали пачку сигарет.

– Сам Сталин пропуск выписал? – с недоверием спросил Лёва.

– Не пропуск. Он командировку подписал. Например, нужны были пиломатериалы, а нам не давали. Там майор сидел. Уже наш, а не немец, но всё одно, говорил «нет». Я ему коман-

дировку показываю. «А чего же ты молчишь?». И сразу всё дал. Я ей там козырял. Командировка подписана Сталиным, куда он денется, Сталина боялись. Поселили нас на мясокомбинате. Железная дорога подходила только к нему. И все станки, всё оборудование свозили туда. А там уже грузили на платформы и отправляли в Советский Союз. Берлин был полностью разрушен, особенно центр. Его бомбили будь здоров. Повсюду одни завалы. Вонь страшная. А метро работало, но не все станции. Метро берлинское мне не понравилось. Порядка у них в метро не было. Курят, опять же. Но за мной была машина закреплена. На легковой ездил. Я туда приехал в погонах старшего лейтенанта, чтобы не выделяться. Один раз пешочком решил пройтись. Чёрт знает, откуда выскочил полковник. «Товарищ лейтенант, почему не козыряете?». Я ему: «Честно говоря, даже не заметил». Как заорет: «Что ты себе позволяешь?». Я ему эдак вежливо: «Не надо на меня кричать. Я вас не заметил, а то, может так случиться, я сам стану на вас кричать». И бумажку ему показываю. Он глянул и тотчас: «Извини». Я ему говорю: «По шинели ж видно». Она действительно, у меня была с иголки, на заказ сшита. На фронте таких не было.

– Весь завод на поезде вывезли?

– Не всё поездами, многое из оборудования отправляли и самолётами. Я четыре автомобиля на поезде привёз. Начальство забрало себе. Болезнь постыдную поймал на последних днях. Три месяца жил в Германии и ничего, под конец соблазнился. Хорошо ещё, что когда вернулся, с женой не спал, сразу стал лечиться. а когда лекарства принимаешь, выпивать нельзя. А тут брат жены приехал. Сто грамм с ним выпил, и у меня открылось. То правое распухнет, то левое. Врач говорит: «Сорок лет работаю, такой болезни ещё не встречал. Ладно, примем все меры». Месяц и шестнадцать дней пролежал я в больнице. Врач спросил: «Дети есть?» – «Нет». – «И не будет. Всё поражено. Функции восстановим в лучшем виде, но детей не будет». Ну, думаю, и на том спасибо. Вот сколько всего перенес.

– Немка-то хорошая была?

– Если б не хорошая, на кой надо?

– Деньги просила?

– Какой там! «Дай покурить!». Дашь кусок мяса и всё. Картошка у нас была, мясо было, спирт был, сигареты были. Солдаты всю хозяйственную работу делали. Мясо под боком. только утром за сигаретами в гостиницу сходишь.

– Свежим утренним воздухом подышать?

– «Свежим воздухом». На всю жизнь мне запомнилась вонь Берлина сорок пятого года.

– Да, они же углем топят.

– Углем что, от мертвых тел страшная вонь стояла.

– А на Урале запаха не было?

– На Урале был сильный голод. Вот сколько всего перенёс.

У Павла Терентьевича на стене гаража висела репродукция картины Рембрандта «Возвращение блудного сына». Указав пальцем на репродукцию, Огоньков, усмехнувшись, спросил у Грешнова:

– Тебя мать дома ждет, дожидается, а ты к ней не торопишься. Ты зачем избил Серёню Гаврилова?

Лёва Ласкин улыбнулся вопросу старика, но так же смотрел вопросительно, ожидая ответа.

Юра еле сообразил, о чём идёт речь, а сообразив, ответил вопросом на вопрос:

– Вы про громилу? Он же девчонку силой к себе тащил. И ударил я его всего раз, да и то, обороняясь.

– Эта девчонка целый час во дворе истерила. Грозилась в общежитие автобусного парка пойти. Обещала погубить себя, всему миру назло. Гаврилов. добрая душа, хотел у себя её

попридержать, пока с неё дурь не спадёт. Глядишь, и успокоилась бы. А теперь где она? Ищи ветра в поле. Или в парке автобусном, или в часть воинскую к солдатам пошла.

– Откуда всё это я мог знать? – сев на стул, стал оправдываться Грешнов. – Я в первый раз и девчонку видел и вашего Гаврилова, который со мной не церемонился.

– Он тебя, видимо, принял за похотливого водилу, собиравшегося Татьяну в общагу везти.

– А вы не путаете? Она совсем ещё молодая.

– Такие времена. Раньше одна Нолка была свободного нрава, а сейчас все такие стали. Что раньше было бедствием, теперь норма, – весело и громко сообщил Павел Терентьевич как всем известный факт. Но в этом его не поддержали ни Лёва, ни Юра.

– Зайдёшь в гости, – спросил Ласкин отставного майора, – или занят?

Грешнов погладил кота Лукьяна, забравшегося к нему на колени и сказал:

– Конечно, зайду. Я совершенно свободен.

Выполнил Юра ещё одну просьбу друга юности, – переоделся.

Они зашли в ближайший от гаража пятиэтажный блочный дом, в квартиру номер два, принадлежавшую когда-то их общему приятелю Тихонову, улучшившему жилищные условия и поменявшему прописку. Теперь его квартира принадлежала Лёве и была превращена в нечто среднее междуgrimёрной, костюмерной и баром. Носила, так сказать, вспомогательный характер, в квартире никто не жил.

Друзья приняли душ, слегка перекусили и нарядились во всё светлое и дорогое.

– Могут быть важные гости, – извиняясь за то, что попросил принарядиться, сказал Лёва.

Глядя на своё отражение в огромном, от пола до потолка, зеркале, Юра вспомнил новых хозяев, вселившихся в его квартиру и улыбнулся.

Грешнов с Ласкиным сели в удобную двухместную машину, автомобиль тронулся, сделал пять-шесть поворотов, три-четыре разворота, и они уже были на месте. Ехали по знакомым с детства местам, и дом, в который приехали, располагался рядом, под боком.

– Просто чудо какое-то! – удивлялся Юра.

В эти сады с детства лазили за яблоками. Даже волшебник не успел бы так всё устроить, так быстро построить. И кирпичный забор, поросший диким виноградом, и башня, оказавшаяся неоштукатуренной обсерваторией, и фонтан у входа в дом, и сад, и, разумеется, сам дом в мавританском стиле. У дома, как нечто само собой разумеющееся, стоял стол, накрытый белой скатертью. На столе – две вазы. В одной – розы, в другой – фрукты. Все было настолько свежее, что от ароматов и запахов кружилась голова.

Юра восхищенно осматривал и домик, и сад, всё было игрушечно волшебным. Не видно было работы, взгляд не цеплялся за частности. Словно всё это разом, в своём законченном совершенстве появилось из сказки.

Там, за четырёхметровым забором был один мир, шумный, пыльный, с запахом горячего асфальта и с копотью, а у Ласкина, в садике с фонтаном, – другой мир, в котором не чувствовалось засилье города.

Не успели друзья выпить по бокалу легкого вина, как Лёва взволнованно сказал:

– Ну вот. Не зря тебя мучил.

В садик из дома вышла Нола. Она подошла к Юре, долго, с интересом всматривалась в лицо, наконец, сказала:

– Ну, здравствуй, герой.

Приблизилась и поцеловала. Вкус этого поцелуя был солёным, пьянящим. Сердце забило, Юру бросило в жар. Поцелуй был короткий, но ему показалось, что их губы склеились и неприлично долго не могли разъединиться. И всем это стало заметно.

– И правильно он сделал, что избил этого Гаврилова, – сказала Нола Льву Львовичу. – А эта дура, если хочет лететь в бездну, пусть летит.

– О ком это ты? – поинтересовался Грешнов.

– О сестре своей единокровной, дочери Зинаиды Угаровой. Ты же весь вечер с ними за одним столом провёл. Неужели Зина ни разу не обмолвилась, что Танька – её дочь?

– Не обмолвилась. Да я, признаться, с ней и не общался, – сказал Юра.

– Как интересно наш мир устроен, – продолжала Нола. – Бьюсь, как рыба об лёд. Из кожи вон лезу. Всё, что имею, добыто непосильным трудом. И никогда на жизнь свою не роптала. Этой же всё всегда на ладонях преподносили. Всегда во всём помогали, устраивали, лечили, и она недовольна. Весь мир виноват в её бедах. А беды исключительно от собственной глупости. Как её мать, так и она, ищут приключений на свою пятую точку. И пусть бы с ними. Так они же и других, честных, порядочных людей во всё это втягивают.

– Легко тебе говорить, – полушутя сказал Лёва. – ты способна управлять своими страстями. Они у тебя на службе. А Зинаида и Татьяна рабы своих страстей. Им так жить интереснее.

– Интерес этот ничем хорошим не кончится, – резюмировала Нола и, обращаясь к Юре, добавила: – Рада, что ты жив и здоров. Помни, ты – любовь моя.

– А я? – спросил Лев Львович.

– А ты – моё разочарование, ответила Нола и пошла на выход.

От Нолы исходил необыкновенно тонкий и манящий аромат духов. Когда она ушла, остался запах духов и напряжение от недосказанности, незавершенности чего-то.

Разрядил обстановку хозяин дома.

– Ты сама – мое разочарование. – крикну Ласкин в ту сторону, где ещё минуту назад была Нола.

Из дома вышли и подошли к столику блестящие нарядами и красотой гости. Лёва представил их:

– Пшенек и Ванда Улановские, мои инспектора. Георгий Данилович Грешнов, друг детства и мятежной юности.

– Инспектора? – не понял Юра.

– Инспектора в том смысле, что присланы семейкой Ротшильдов присматривать за мной. Улановские натужно засмеялись.

Перед тем, как вернуться в дом, Ванда капризно сказала Ласкину:

– Леон, я хочу пойти в русскую баню вдвоем с тобой.

– Там голой придётся ходить, – усмехнувшись такой назойливости, сказал Лев Львович.

– Русская баня – это святое. Так у вас говорят? Я согласна – голой, – засмеялась Улановская убегая в дом.

Пшенек, проводив её взглядом, сделал признание:

– Это она шпионит Ротшильду, а я к тебе с чистым сердцем.

– Брось! Выстрелишь мне в спину при первом же удобном случае, – убежденно сказал Ласкин.

– На веревке мне болтаться, если такое сделаю! – обиделся Пшенек, налил себе виски в стакан и залпом выпил.

– У нас тут по-домашнему, – пояснил Лёва. – Я им сказал, чтобы не церемонились. Сами себя обслуживали.

Ласкин налил Юре, себе, и они чокнувшись хрустальными стаканами выпили их содержимое. Лёва слегка успокоился, умылся в фонтане и стал говорить, обращаясь исключительно к другу детства и юности.

– Знаешь, самые красивые девушки живут в Москве и Харькове.

– И в Варшаве, – вставил Пшенек.

– Не знаю, почему, но это действительно так, – продолжал Ласкин. – В восемьдесят четвёртом ты в своё военное училище поступал и поступил. А я, после тяжелейшего первого

курса поехал с товарищами по институту в Крым. Был июль месяц, ехали на симферопольском поезде. Всю дорогу пили, смеялись, в карты играли. А когда до пункта прибытия оставалось два или три часа, остановились на какой-то станции безымянной и проводник пустил в вагон двух красивых девушек, не имевших ни денег, ни билетов. Это были студентки из Харькова, добравшиеся до моря самым что ни на есть озорным путём. За всё расплачивались собственным телом. Но тогда я об этом не знал. По наивности я решил, что проводник – добрый малый, – помогает студенткам бескорыстно. Всем же хочется к морю. А тут всего одна станция, два часа езды. Опишу-ка я его. Уж очень колоритный тип. Лет за пятьдесят, с приличным животиком. Поясной ремень застегивал высоко, почти на самой груди, на манер Хрущёва Никиты Сергеевича. Был у нас, Пшенек, такой генеральный секретарь коммунистической партии. На темечке у проводника плешь, над ушами – смешные мочалочки, остатки кудрей. Улыбчивый, добродушный. Глаза бесцветные, водянистые. Под глазами мешочки. К чему так подробно описываю? Ты про любовь, Пшенек, с первого взгляда, слышал? Так вот. Не полюбишь такого с первого взгляда.

– А зачем ты хотел полюбить его с первого взгляда? – поинтересовался захмелевший Пшенек.

– Улановский, не сбивай! Я другу трогательную историю рассказываю, – одернул гостя Лев Львович.

Пшенек сделал вид, что обиделся, плеснул себе в стакан виски и махом освободил ёмкость.

– Так вот, – возвращаясь к Юре, продолжал Ласкин, – полюбил я одну из студенток, и она мне ответила взаимностью. То есть произошло настоящее чудо. В пыльном вагоне, среди сотен чужих людей, я узнал родную душу, свою половину, королеву, делавшую меня в собственных глазах королем. Ту самую, которой готов был жизнь отдать. Всю, без остатка. Она это без слов поняла и признала во мне своего избранника. И вот мы уже взялись за руки. И всё шло к тому, что наши губы, а вслед за ними и судьбы сольются на веки вечные, так что даже сама смерть не сможет разлучить нас. Как вдруг раздался пронзительный свист. Это просигналил проходящий навстречу поезд, летящий с немыслимой скоростью по соседнему пути. И тотчас, вслед за этим разбойничьим свистом, перепугавшим всех в нашей плацкарте, появилась комическая фигура проводника. Улыбчивый, добродушный. Конечно ничего дурного он не сделает. Не способен. Извинившись мягким, бархатным голосом он поманил рукой «на два слова» мою избранницу. И она пошла смеющаяся, счастливая. Пошла, оглянувшись на меня. Одарив многообещающим взглядом. Унося с собой частичку моей влюбленной души. Глаза её говорили: «Люблю тебя. Я недолго. Сейчас вернусь, и всё у нас получится». Она ушла. Вышла к проводнику на два слова. Я ничего дурного не заподозрил. А когда она через пятнадцать минут вернулась... Это был совсем другой человек. На ней лица не было. Словно душу из неё вынули. Она умылась у проводника, но лицо вытирать не стала, и оно было в каплях воды. И казалось, плачут не только глаза, а плачет всё лицо. И только в этот момент я вспомнил нехорошие искорки, которые я заметил в глубине весёлых глаз проводника, но не придавал этому значения. Посмотрел внимательно на свою любимую, а точнее, на то, что от неё осталось, и ужаснулся, так как понял, что с ней за эти четверть часа произошло.

– А что с ней произошло? – спросил Пшенек с детской наивностью.

– А произошло то... Одним словом, заплатила она за свой плацкарт в нашем вагоне. Рассчиталась за себя и за свою подругу.

– Какая умница, – похвалил Улановский, решив, что девушка заплатила за проезд деньгами.

Не обращая на него внимания, Лев Львович продолжал.

– Подруга это тоже поняла и ободряюще погладила её по сторбившейся спине. Даже полотенце подала, чтобы та могла лицо вытереть.

– И подруга умница, – комментировал Пшенек.

– Прошло каких-то полчаса, а за это время у меня появилось столько надежд, я почти обрёл веру, испытал любовь и такое крушение, что казалось, куски мяса отваливаются от моих костей. Я бы за неё в лепёшку разбился. Заплатил бы проводнику за билет. И за неё, и за подругу. И эта наша внезапная, вспыхнувшая любовь. Необыкновенная, обещавшая блаженство на земле, и бессмертие за гробом. Сулившая так много, что словами не передать, в одно мгновение потными руками проводника была смята, задушена, уничтожена.

– Да что же это за трагедии такие творятся с людьми! – закричал Пшенек искренно и, как казалось, именно по делу. – За что такая неизбежность краха?

Не отвечая на его, хоть и эмоциональный, но всё же риторический вопрос, Ласкин продолжал, упорно обращаясь к одному Юре:

– Взяла бы она меня за руку, – спокойно говорил Лев Львович, – всё бы рассказала, во всём бы призналась. Я даже не дослушав, простил бы. Во всём бы доверился. В крайнем случае, дёрнув за стоп-кран. Сошли бы с поезда и дошли до Симферополя пешком. Да чего бы только ни сделали. Но вот эта харя «добродушная», тень далёкого прошлого, карикатура на человека из тридцатых-пятидесятых. Такие люди никогда мне не попадались. Я видел их только в старом кино. Он взял и погубил меня. Душу мою, как промокашку в грязи своей вымазал, и я впитал эту грязь, не смог отстраниться. И остался с этой грязью навсегда. Уже и не помню, как те два часа пролетели. Как мы добрались до Симферополя. Помню это состояние беспомощности.словно ты – инвалид без рук, без ног. Обгадился и лежишь во всём этом, а люди ходят мимо и смеются. Холодный, циничный рассудок всё готов оправдать. Дорога, обстоятельства. Но как это с чувствами примирить? И она все эти мысли мои, до самой последней, без слов поняла, прочувствовала. И так мне её стало жалко. Рука непроизвольно потянулась, чтобы погладить, успокоить. А она как рывкнет: «Убери!». И произнесла это так, как говорят жёны мужьям, с которыми лет десять прожили. Которых считают виноватыми в том, что с ними произошло. Никто из моих товарищей-попутчиков всей этой драматургии наших чувств не понял, не услышал. Даже её подруга существовала на своей частоте. Только я и она. Мы с ней за эти два часа огромную, долгую жизнь прожили. Семейную жизнь. От симпатии к влюбленности. От влюбленности к любви. От любви к предательству. От предательства к страданию, состраданию, прощению и прощанию. Через какое-то время мы были друг другу уже чужими. Я осознанно погладил её, пожалел. Как чужой посторонний человек жалеет и гладит попавшуюся ему на дороге дворняжку. Она к тому времени окончательно пришла в себя и всё понимая, то есть, что это я с ней так прощаюсь, безропотно подставила голову. Она поняла, что могла быть не просто «история», а настоящее, великое чувство. То, которое бывает у человека в жизни лишь раз. О котором поэты пишут стихи. Могла быть, то есть, могло. Но, не дав плода, цветок завял. Таких трагедий миллионы, особенно в юности.

– Русские любят долго говорить, – сказал Пшенек, которому не нравилось, что его демонстративно игнорировали. – Так чем всё закончилось?

– Я погладил её по голове и мы молча, не сказав друг другу ни слова, расстались на перроне симферопольского вокзала. Таким было моё первое разочарование в женщинах.

– Первое ли? – недоверчиво спросил Юра.

– Имеешь ввиду Нолу? А ты знаешь, кто её познакомил с отцом? Я же их и познакомил. Привел её в кружок кройки и шитья и сказал: «Знакомься, Нола, это мой отец. Он портной от Бога и сошьёт нам сценические костюмы». И отец сшил нам костюмы, которые вошли в легенду. В виде летучих мышей с театральными масками на глазах. И всё это из краденой с фабрики парчи. Когда наряженные в эту роскошь, мы бегали по сцене Дворца культуры, то нас воспринимали не как Тибула и Суок, персонажей сказки «Три толстяка», а как посланцев из светлого будущего, ничего не имеющего общего с мечтами о коммунизме. Поэтому и обрушились с такой оголтелой критикой на детский, безобидный спектакль и закрыли его.

На отца тогда даже уголовное дело завели. И если бы не Николай Сергеевич Парь, игравший в этом спектакле Просперо, то сидел бы отец до сих пор. Конечно, горько и непонятно было, как можно было меня, красивого и молодого променять на старика. Прости, что так о своём покойном отце говорю.

– Представляю, что ты пережил. Я же тоже был в Нолу влюблен уже тогда и в кружок кройки и шитья из-за неё ходил. Она этого не замечала, потому что была тобой увлечена.

– Почему я этого не замечал?

– Потому, что ты был в неё влюблен. А влюбленные не только часов, они ничего вокруг себя не наблюдают. И про Льва Макарыча я знал. Представляешь, брал у водопроводчиков пятиметровую деревянную лестницу и подставлял её к окну Нолы. Аккурат ко второму этажу. Смотрел на них через окно, наблюдал их в сладкие минуты счастья. Вот где настоящая пытка была. При этом видел своё отражение в огромной зеркальной стене, у которой неслучившаяся балерина упражнялась по утрам. И мне на всю жизнь запомнились не их обнажённые тела, а собственная перекошенная физиономия в том зеркале. В которое они тоже смотрели, но не видели, не замечали меня. Были заняты только собой. Я тогда был несдержан, ударил и рукой и разбил оконное стекло. Готов был убить и его и её. Но сил не хватило. Еле с лестницы слез. Можно сказать сполз. Настолько обессилел от увиденного, что вполне мог упасть и шею себе сломать. Долго плакал задыхаясь, захлебываясь слезами. Много проклятий и Льву Макарычу и Ноле на головы призывал. Так что я не понаслышке знаю, что такое первое разочарование.

– Простил?

– А тебе Нола не рассказывала, как меня, пьяного, опустившегося, почти что замёрзшего, с улицы домой привела и жила со мной. Как терпела меня, сумасшедшего от пьянок и безысходности. И ушла только после Нового года. Да ты знаешь всё это.

– Знаю, Юра. Но вот в чём загадка. Она до сих пор тебя любит.

– Нола сказала, что любит меня? Могла бы сказать, что ненавидит, и это было бы большей правдой.

– Удивительные вещи ты мне рассказываешь. А я всегда думал, что ты проще. Сначала-то я решил, что она с жиру бесится. «Привези мне Юру! Юру привези!». Но сейчас вижу, что в твоих словах есть ключ к разгадке этой тайны по имени Нола Парь.

Лева, лукаво улыбаясь, спросил у Улановского:

– Пшенек, а до Ванды у тебя были женщины?

– Были две подруги. Обе замечательные красавицы. Одну звали Беата, а другую Бронислава. У Беаты был маленький аккуратненький носик и большие странности. Нездоровый интерес к чужим большим носам. Её целуешь, а она морщится и просит позволить нос пососать. И больше ничего не надо. У всех моих друзей носы обмусолила. Красива была от природы, но угрюма. Самые веселые истории слушала без намека на улыбку. Представляете себе угрюмую красавицу, сосущую чужой нос? Я от неё сбежал. А Бронислава, та была хитрая, своенравная, прирожденная разлучница. При мне поссорила двух друзей, да так ни с одним из них и не осталась. Они хотели было её за это побить, но я вступился за «преступницу». Они характера её не поняли. Бронислава казалась им гордой, недоступной, вот и стали перед ней петушиться, павлиньи хвосты распускать. Забыли, что она прежде всего женщина и ценит внимание. Я не красавец, не герой, но добился же её расположения. Внимание в наше время такая редкость, что ни одна из женщин не сможет им пренебречь. А потом я встретил Ванду и влюбился уже по-настоящему. Раз и навсегда. Полюбил её за божественную красоту, за высокий интеллект, за верность, за её нравственную чистоту.

Услышав про верность и нравственную чистоту, Лёва повернулся опять к Грешнову и сказал:

– Пойдем к гостям, мой счастливый соперник. В такую ночь нельзя спать. Посмотрим на пожирателя огня, на танец одалиски.

Друзья встали из-за стола. Пшенек хвостиком увязался за ними.

Одалиска танцевала в символическом наряде. Приехал целый коллектив жонглеров, шпагоглотателей, повелителей огней. Показывали целое представление. Каждый вечер и всю ночь до утра в доме у Ласкина проходили представления.

Глядя на то, с каким артистизмом и мастерством женщина вращает вокруг себя огненные шары на железных цепочках, Лев Львович сказал:

– Ничего не спрашивай, Юра, доверься мне. Сейчас иди, тебя на входе ждёт машина с шофёром. Садись в неё. Не прощаюсь, увидимся.

Лёва обнял Пшенека и удалился с ним в дом.

Тотчас к Грешнову подошёл молодой человек в костюме и предложил:

– Разрешите проводить?

Ощущая себя актером, играющим чужую роль Юра последовал за ним.

Провожатый подвёл его к автомобилю с затемнёнными стёклами, открыл заднюю дверь и жестом пригласил садиться.

Юра увидел Нолу, сидящую на заднем сидении и дамский пистолет, блеснувший в сумочке, которую она тотчас захлопнула.

Кавалер сел рядом с дамой и машина тронулась. И сразу понеслась с чудовищной скоростью по ночной Москве. Мелькали огни витрин, реклама. Автомобиль спустился под землю и понёсся по тоннелю.

– За нами погоня? – спросил Грешнов.

Нола вместо ответа положила свою руку на его предплечье, давая понять, что всё хорошо.

В семьдесят седьмом году на месте сломанных двухэтажных бараков построили длинный, в шесть подъездов, двенадцатиэтажный дом, и в седьмой «А» класс, в котором учились Юра и Лёва, в числе других новых учеников пришла очень красивая девочка Нола Парь. Все эти новые ученики, а было их много, для них создавались новые классы, класс «В», например, несли в себе новую эстетику. Они очень отличались от «старых» учеников. Все они жили в отдельных квартирах, в новом доме, у них глаза горели оптимизмом. Из-за чего было много конфликтов, как в среде ученической, так и на поле ученик-учитель.

Тем интереснее, что Нола пострадала, как раз от «новой» учительницы, пришедшей в школу, как казалось, исключительно для того, чтобы затеять этот конфликт с самой красивой и перспективной ученицей.

Учительница эта была молода, совершенно не понимала ни школы, ни учеников, считала себя красивой. Она носила облегающие платья, высокие каблуки, имела вытянутое. «конское» лицо, и сына по имени Глеб. Больше в памяти от неё ничего не осталось. Эта учительница истории возненавидела Нолу на каком-то женском, животном уровне. Возможно, к похожей на Нолу женщине ушёл от неё её муж. Неприязнь эта была всем заметна, да историчка и не пыталась это скрывать. Она стала вызывать Нолу к доске и ставить ей «неуды», обзывая Нолу лентяйкой. «Оценка „два“», – говорила учительница, ещё до того, как Нола успевала открыть рот. И вот они превратности судьбы. Несмотря на то, что новую учительницу все ненавидели, а новой ученице все симпатизировали, это прозвище – «Лентяйка» так и осталось за Нолой на веки вечные. Но вернёмся в школу, где царил произвол и явная несправедливость. Творилось всё это на фоне того, что по другим предметам у Нолы были одни пятёрки. Более того, за все семь лет обучения Нола ни разу не получила даже «четыре». Не открою Америки сказав, что все учителя, прежде чем ставить первую оценку незнакомому ученику, поглядывают, какая успеваемость у него по другим предметам, но историчку все эти правила словно не касались. После третьей двойки Нола заболела на нервной почве и слегла с просту-

дой. Что тоже было для неё ново. Она занималась бегом, вела спортивный образ жизни и никогда не болела.

Отец у Нолы был начальником цеха на Московском радиотехническом заводе, помогал школе. Перед ним разве что только на колени не вставали, а тут такое.

С учительницей говорили «приводя её в чувство» и завуч, и директор. И та перед итоговыми оценками за четверть вызвала Нолу к доске, и так же необоснованно, как прежде «лебедей» поставила «пятёрку», а в четверти вывела «четвёрку». Посулив за год «пять». Тут кто-то спросил у этой учительницы, если Нола и дальше станет учиться на «пять», дадут ли ей золотую медаль? «Нет», – ответила учительница. – «Золотые медали тоже имеют свой лимит, их распределяет ГОРОНО, надо кроме пятёрок, быть ещё и председателем совета дружины, комсомольским секретарём школы, осведомителем и т. д. и т.п».

После такого исчерпывающего ответа Нола совсем потеряла интерес к учебе в школе и стала учиться, «как все», перебиваясь с тройки на четверку, изредка получая «пять» и очень часто «два».

Стала посещать студию при народном театре ДК «Знамя октября». Где с блеском сыграла роль Суок в пьесе Юрия Олеши «Три толстяка».

Кем была Нола для Юры? Когда пришла она в седьмом классе в их школу, для него словно второе солнце взошло, серая жизнь расцвела радужными красками. Её гордость, красота и недоступность смущали, и он где-то был даже рад тому, что историчка ей ставила двойки.

Но потом, когда Нола переболев простудой внутренне изменилась, ему стало стыдно за свои нехорошие чувства.

Он ради неё записался в кружок кройки и шитья, который вёл отец Лёвы, Лев Макарович Ласкин. Они с Лёвой сшили тогда целую армию тряпичных солдат. По два десятка на каждого и играли в кукольный театр. Впоследствии тех солдат, что принадлежали Юре, Юлия Петровна, Юрина мама, поспешно выбросила. Она не одобряла того, что сын её делает куклы. И это несмотря на то, что никаких других причин для родительских страхов не было. Юра с Лёвой посещали секцию дзюдо, дрались с хулиганьём, вели нормальную мальчиговую жизнь. К слову сказать, в солдат, сшитых Лёвой, впоследствии с успехом играли его дети. Лёва, разбогатев, даже задумывал поставить изготовление тряпичных солдат на фабричный лад, но потом передумал.

Так, что опасения Юлии Петровны были напрасны. В кружок кройки и шитья, ровно как и в студию при народном театре Юра ходил исключительно ради Нолы. Он был искренен в своих чувствах, не раз говорил о них с Нолой, но она тогда всё больше отмалчивалась. А затем случилось то, что случилось. Он узнал, что у Нолы роман с Львом Макаровичем, с трудом пережил всё это, и казалось, с Нолой покончено. Была армия, война, военное училище, гарнизон, новая жизнь, женитьба, развод. Увольнение из рядов вооруженных сил. И вот тут снова появилась Нола. И снова, как в седьмом классе, расцвела уже не серую, а чёрную его действительность своим радужным светом. Красивая, уверенная в себе, всегда казавшаяся недоступной, отдала ему себя со всей страстью опытной, любящей женщины.

Юра на тот момент работал в охране автобусного парка. Учащиеся академии имени Фрунзе, полковники и подполковники приходили к ним подрабатывать на полставки, дежуря по ночам.

Для военных время было не весёлое. Вместе с Нолой Георгий ходил из охраны в охрану, унижался выпрашивая работу. Нола перечисляла его заслуги, а молодые ребята, не нюхавшие пороха, руководившие ЧОПаами смеялись в лицо и искали причину, по которой можно было бы ему отказать. С другой стороны, от Лёвы Ласкина поступали совсем другие предложения, стать начальником охраны его коммерческого банка или возглавить охрану супермаркета. Нола со Львом Львовичем практически уговорили Юру. Ласкин пригласил их к себе

на Новый год. Но Юра отказался идти к другу детства и юности. Что-то его останавливало. И они с Нолой отмечали Новый, 1997 год у брата Василия. Юра в костюме, Нола в красном платье. Василий в трусах и майке, Наталья в ночнушке, так сказать, по-домашнему. Осталась фотография на память, сделанная племянницей Олесей, дочкой брата Василия.

С Нового года Юра с Нолой не виделся. Он охранял особняк в центре города. Через окно следил за жизнью кошек, находясь в полном неведении относительно своего будущего.

– О работе с Лёвой не говорили? – как бы между прочим поинтересовалась Нола.

– Нет, – сухо ответил Юра и вспомнив что-то смешное, смягчаясь, сказал. – Сегодня мне Василий очередную сказку о Лёве рассказал. Брат не меняется. Да, знаешь, так искренно, убедительно. У него в сочинительстве появилось мастерство. Я с Леоном даже заговаривать об этом не стал. Он, видимо боялся услышать от меня глупые вопросы, поэтому сам без перебоя говорил. По объёму рассказанного почти сравнялся с Василием.

– У Ласкина в последнее время нервишки шалют. Да, Лёва знает все эти сказки, доброхоты передают. Наветы эти его очень раздражают. Ну, что мы опять о грустном? Подъезжаем. Доверься мне. Молчи и ни о чём не спрашивай.

Когда вышли из автомобиля, то оказались у подъезда, того дома, который Грешнов оставил, как ему казалось, навсегда.

Поднялись на его этаж. Нола достала ключи и открыла новую дверь.

– Проходи, – пригласила она. – Мусор убрали, диван застелили. Будешь спать теперь, как человек. Вот бумаги, которые говорят о том, что ты хозяин этой квартиры.

Юра взял бумаги с печатями и подписями. Ему всё ещё не верилось в то, что это не сон. «Такого не бывает наяву», – уверял себя он.

– Видишь, ты теперь полноправный хозяин. Можешь гостей принимать. Я же тебя не тороплю. Ты же знаешь, что я люблю только тебя. Я тебе всё прощала и всё прошу. Готова терпеть, если понадобится, всё. Но дай и мне второй шанс. Я заслужу твою любовь, – говорила Нола, глядя прямо в глаза. – Поверь, наступят лучшие времена, вернёшься в свою армию. Я не стану чинить препятствия. А ребята, которых ты принял за разведчиков, на самом деле – строители. Мастера высочайшего класса. За две недели сделают из твоей квартиры конфетку. А к празднику, Дню города, тебя ждёт ещё один сюрприз. Дочка из Америки к тебе приедет.

– Этого не может быть, – глядя на Нолу широко раскрытыми глазами, подразумевая, «этим не шутят», промолвил Юра. – Ты делаешь больше, чем смог бы волшебник.

– Любовь позволяет творить нам настоящие чудеса, – счастливо засмеявшись, сказала Нола и упала в объятия Грешнова.

Глава 4

«Оруженосцы» Василия Грешнова

Привязывая собаку к металлической трубе у Нинкиного подъезда, Василий думал о том, что неприятности похожи на разбойников, – выскакивают неожиданно, все сразу и бьют наотмашь, не давая опомниться.

Из вчерашнего разговора с женой он узнал, что она беременна и не собирается делать аборт. Говорит: «Я на двух детей запрограммирована».

«Это чей же ребенок ей так дорог? Неужели мой? Раньше чистили и даже в известность не ставила, а теперь ни в какую. Мудрецы давно подметили – нет в семейной жизни ничего, кроме неприятностей», – заключил Василий, нажимая на кнопку звонка.

Грешнов зашёл к Начинкиной пораньше только для того, чтобы не упустить из вида Ласкина. И Нина это знала. На электронном табло её электронных часов светилось: шесть часов ноль ноль минут, тридцать первое августа тысяча девятьсот девяносто седьмого года.

Хозяйка быстро, как она это умела, собрала на стол. Достала из холодильника водку и закуску.

Василий посмотрел на картину, висящую в кухне на стене, словно первый раз её увидел и спросил:

– Что это? Подлинник?

– Репродукция, – засмеялась Начинкина, – подлинник в музее висит.

– А как называется?

– «Бобовый король». Автор – фламандский художник Якоб Йорданс. Изображена жанровая сцена во время праздника «трёх волхвов». Тех самых, что Иисусу Христу – младенцу подарки принесли. В этот день, по их традиции, в праздничный пирог запекали боб. Пирог разрезали на равные части и делили между всеми присутствующими. Кому доставался кусок с бобом, провозглашался королём праздника. Видишь, король надевает корону, выбирает себе королеву, а все остальные на время пиршества становятся его придворными и всячески ему угождают.

– А где эта картина? В Лувре?

– У нас, в Эрмитаже.

– Так он настоящий король?

– Ненастоящий.

– Что же, это обычный дед, которому попался кусок с бобом?

– Да, деду просто попался кусок...

– Повезло ему. А может, ты всё это придумала?

– Нет. В этом и заключается весь смысл этой картины.

– Я к чему картину эту вспомнил? В девяносто первом с Генкой Гамаюном работали грузчиками. Мебель из квартиры перевозили. И у хозяев на кухне такая же картина висела. И ещё много других картин: «Мясная лавка», «Овощная лавка», «Рыбная лавка». Там весь прилавок завален рыбами. Рубенс, наверное.

– Это не Рубенс, а Снейдерс. Те, что ты рассказываешь.

– Так вот. Нашёл я там, на кухне за буфетом кошелёк. Посмотрел – в нём пластиковые карточки. Показал Генке, а он тогда уже о них всё знал. И мне же говорит: «В кошельке было пусто». Ну, я промолчал. Мне они на кой? А когда поднялись с улицы хозяева и стали спрашивать про старый кошелёк, я показал на Генку. В нём же «ничего не было». Он и им стал врать, отпираться. А на лице-то всё написано. Они вывернули ему карманы, нашли карточки, а самого

побили. Несильно, но чтобы почувствовал. К чему говорю? Сколько помню его, всегда ратовал за царя, называл себя монархистом, а теперь вдруг стал либералом. Я, говорит, всегда им был.

Перекрестившись и выпив, Василий стал неспешно сообщать новости:

– Сегодня я в роли Игната Могильщика.

– Что такое? – испугалась Нина.

– Принцесса Диана погибла. Плакать хочется.

– Не убивайся, – облегчённо вздохнула Начинкина, – она того не стоит.

– Да не по ней, по себе плачу. В церковь не хожу, не исповедуюсь, не причащаюсь. А что как умру? Распутная жизнь, как ещё раз мы все убедились, приводит к внезапной смерти.

– Солнце моё, ты же верующий. Смерти нет.

– Это я понимаю. Боюсь предстать перед Всевышним судией во всей своей мерзости. Скажет: «Ты же знал, что земная жизнь человеку дана для подготовки к вечной. Так-то ты, сукин сын, подготовился? А ну-ка, бей его, ребята!». И черти возьмутся за меня. Станут наносить удары грязными копытами по лицу. Вонзять острые волнистые рога мне под ребра.

– Фу! Не хочу слушать! Ну и фантазия у тебя.

– Позавчера ездили в Волоколамск на картофельные поля картошку воровать. Никандру мой тесть дал мохеровую вязаную шапочку. И ночью, при свете луны, я как глянул на него – стоит милиционер в фуражке. У меня сердце в пятки, чуть «Кондратий» не приобнял.

– Зачем так далеко мотались? У нас в овраге огороды.

– Красть у своих? Потом стыда не оберёшься. Можно куст-другой вывернуть, картофелин десять взять, на костре испечь. Но не шесть же мешков выкапывать.

– Шесть мешков набрали? И что, «Запорожец» Гаврилова всё увёз?

– Увёз.

– Ваш Никандр – вылитый Самсон, что в фонтане Петергофа. Грудь широкая, тело атлетическое.

– Ну да. На скульптуру он похож. Даже той же бородой.

– Какой бородой? – засмеялась Нинка. – Он тебе не старик Хоттабыч. У Самсона сила заключалась в длинных волосах. Это библейский герой. Его напоили и у пьяного волосы отстригли.

– Я даже знаю, кто. Наши школьные учителя, директор и завуч. Они, опасаясь силы учеников, всех нещадно болвали. Кричали: «Бога нет!». А сами по ночам выходит, Библию листали.

– И всё-таки ты в долгу перед ними.

– За что? За то, что в течении десяти лет дурака из меня делали?

– Я не про учителей. Про твоих верных «оруженосцев». Они горбчатся на тебя за миску супа, а ты забираешь у них даже те деньги, которые им даёт Лев Львович. Смотри, сколько за год они успели. Подвал отремонтировали. Квартиру твою – полностью. У меня всем на зависть европейский ремонт сделали. Теперь трудятся у бабы Паши. А ведь если бы платить им за работу, то они бы и себе на жилплощадь скопили.

– Им жилплощадь не нужна. А на нужды я им не отказываю. Вон, у Никандра две малиновые рубашки и дюжина красных носков с золотой нитью. В таких только Майкл Джексон со сцены поёт. Они сыты, пьяны, есть крыша над головой. Но ты права, совесть моя нечиста. Надо им что-то хорошее сделать, я что-нибудь придумаю.

– Придумай, пожалуйста. Я тебя очень прошу. И знаешь, так и не смогла вчера труссы найти. Мистика какая-то.

– Без трусов ходишь?

– Почему? Сегодня, как положено, «сандай» надела.

– Чего надела?

– У меня трусы из набора «неделька», на каждый день – свои.

- Я думал, такие уже не носят. Лет десять назад были в моде.
- Чистое, новое бельё всегда в моде. Мне два набора Майя Каракозова подарила. А ей из Лондона привезли на днях. А ты говоришь, – «десять лет назад».
- Противно смотреть на Каракозовых. Миша лебезит перед ней, а она кричит на него, обзывает мужа по-всякому, не стесняясь людей.
- Когда ты в Волоколамске картошку воровал, Майя сидела на твоём месте и жаловалась, что супруг её не ласкает. До того дошла, что своё отражение в зеркале целует.
- Для чего? – не понял Василий.
- Женщине внимания хочется, а если его нет...
- Смешные люди, с жиру бесятся.
- А что им не беситься? Детей нет. А тут, что случится, сдадут моего Доминика в дом инвалидов, как Славика Мимоходова.
- Меньше водись со всякой поганью, дольше проживёшь, – вырвалось у Грешнова.
- Вась, кроме тебя я ни с кем не «вожусь». Себя «поганью» называешь?
- Ну, прости.
- Ну, прощаю.
- Начинкина что-то вспомнила и улыбнулась.
- Чего? – поинтересовался Василий.
- Да, Истуканов сватался. Говорил: «случись с тобой что, стану опорой твоему сыну».
- Когда сватался?
- Да всё тогда, когда ты картошку тыбрил, – засмеялась Начинкина.
- Вот гад. Ни на минуту отъехать нельзя. Со смерти Юрка ещё год не прошёл.
- Да. А люди очередь уже занимают.
- Чего теряешься?
- Смеёшься?
- А Славика жаль. Но он в детстве всё, что хотел, получил. И конь металлический, управляемый педалями, и велосипед, который старшие ребята не отбирали, – всё у него было. Сестру, видимо, обделяли. Поэтому, когда родители умерли, она его фиктивно женила, ещё кое-какие махинации провернула, используя его инвалидность. А затем, с чистым сердцем в «дом скорби» сдала.
- Я об этом и говорю.
- Нин, я всё понял, но муж из меня... Сама видишь. Чего загрустила?
- Всё одно к одному. Бандиты заезжие в магазин приходили. Спрашивали, есть ли у меня «крыша».
- Скажи: «Гимнаст – моя крыша».
- Лев Львович – не бандит, он бизнесмен.
- Он такой бизнесмен, что страшнее всякого бандита. Его все знают и боятся.
- Может, у нас и знают, а приезжим-то что? Был бы у меня муж, он бы заступился.
- Но я же тебе не муж.
- Так в чём дело? Всё есть, – и квартира, и магазин, и медцентр. Да и я стараюсь за собой следить.
- А Наталья? Она не даст мне развода. А Олеся? Дочь не простит. Да и с Бертой кто гулять будет? Вон попросили один раз твою целующую зеркала, пришлось потом щенков топить. Я тебя люблю, ты это знаешь. А чтобы жизнь менять – это выше моих сил. Пусть всё остаётся так, как есть. Перемены всегда всё портят.
- Да, – грустно признала Начинкина.
- Согласна? – удивился Василий.
- Ты мне не муж. Господи, – взмолилась Нина, – пошли мужа и защитника.

– Правильно. Молись. Бог не оставит без внимания искреннюю молитву. Обязательно мужа пошлёт.

– Ты серьёзно?

– Серьёзнее не бывает. Человек получает по вере. Если веришь, обязательно получишь то, что просишь.

– Я верю.

– Значит, даже не сомневайся. Будет у тебя муж. Чего опять нахмурилась?

– Адушкин ультиматум поставил. Он испугался бандитов. Говорит: «Или договаривайся с ними, или ищи себе другого сторожа». Говорю: «Даже Игнат их не боится». – «Игнат – дурак, а дураки ничего не боятся. В общем, ты меня услышала». Так что придется Игнату пока без сменщика работать. Согласится ли? У него же в овраге хозяйство, козы.

– Согласится, – убеждённо сказал Грешнов. – С телевидения к нему приезжали, снимали его. Он всё о себе перед телекамерой рассказал, показал питомцев, молочком репортера угостил. Отснятый материал показали в новостях. Стоит наш Игнат на фоне картонной лачуги, а вокруг него – стадо коз. Получилось всё, как в сказке «Чиполлино» с домиком кума Тыквы. Картонный дом, построенный Огоньковым, сломали. А коз забрали якобы в уплату за работу бульдозера.

– Ой, бедный. А Игнат что же?

– Соорудил себе новый дом, накрыл пленкой, приглашает на новоселье.

– Чёртovy власти!

– Да нет, это перегибы на местах. Власти сейчас хорошие. И нравы, несмотря на всё, смягчаются. Был в парикмахерской, даже не просил, – мастер сам мне из ушей специальной машинкой волосы выстриг. А в советские времена, помню, мой дедушка, Петр Кононович, попросил, чтобы выстригли, так был целый скандал. Молодая девчонка-мастер кричала: «Да не стану я вам волосы из ушей выстригать! Идите, жалуйтесь заведующему».

Нинка посмеялась, завела любимые мелодии, с помощью которых пыталась успокоиться, и стала подавать горячее.

– Я на годовщину с собой «оруженосцев» приведу? – спросил разрешения Василий.

– Приводи, – охотно согласилась Начинкина. – Может, раковину в ванной как следует, закрепят. Ты, пьяный, имеешь привычку всем своим весом на неё наваливаться, качается уже. Кто они такие, твои «оруженосцы»? Расскажи о них.

– Ну ты, Нин, даёшь. Два месяца у тебя работали, ремонт делали, так и не узнала?

– Я же с ними бесед не вела.

– Никандра взял от Анны Тихоновны Огоньковой. А Сморкачёва – с Москвы-Товарной-Рязанской. Начали они с ремонта подвала. Сделали там кухню, ванну, туалет. Все помещения привели в порядок. Проводку заменили на новую. Старинную мебель туда перетаскивали из бывшего комиссионного. А кончилась эпопея тем, что меня с ними оформили в этом подвале сторожем. Это долгая, смешная история. Когда я впервые привёл Никандра к себе в подвал, на нём была лишь разорванная рубашка и желание чего-нибудь украсть. Я накормил его, сказал: «Надень что-нибудь моё». Уздечкин помылся и первое, что напялил на своё чистое, атлетическое цыганское тело была майка, подаренная мне на день рождения Ласкиным. На майке красовалась надпись «Я – ваш следующий президент». Увидев Никандра с такой надписью на груди, я рассмеялся и мгновенно сочинил фильм. «Представляешь. – говорил я, – крупным планом на экране – радиоприемник. Шесть часов утра. Пикает радио, отсчитывает секунды. Сейчас зазвучит гимн и вдруг... Из ретранслятора доносится знакомая мелодия и приятный баритон Дана Спатару поёт: „Я гитару настрою на лирический лад“. Следующий кадр: запотевшее зеркало в ванной, красная распаренная рука в черных волосках скользит по зеркальной поверхности, снимая с неё матовую испарину, и мы видим отражение бородастого лица Никандра, чёрную, как смоль, шевелюру, пористый нос, блестящие светло-карие глаза. Он

начинает улыбаться во всю ширину своего рта, и вся ванная комната наполняется солнечными зайчиками. Это сам за себя говорит полный рот золотых зубов президента Никандра. Следующий кадр. Всё тот же чарующий голос Дана Спатару, поющего „От зари до зари, от темна до темна“ и мы видим колонну тяжёлых правительственных лимузинов, медленно въезжающих в Кремль через Боровицкие ворота». Услышав всё это о себе, Уздечкин искренно, так, как может сказать только ребёнок, заявил: «Хочу быть президентом».

– Так откуда он взялся?

– Не торопитесь, прекрасная маркиза. Наберитесь терпения и слушайте. Было это на Покров пресвятой Богородицы. В ночь на четырнадцатое октября в прошлом, девяносто шестом, году. Павел Терентьевич и Анна Тихоновна готовили борщ. Старушка резала морковь, капусту, лук. Терентьич натирал свеклу на тёрке, тушил её в сковородке на маленьком огоньке. И удался у них борщ на славу. Жалко было есть. И сказала жена мужу: «Паша, милый супруг мой, сколько сил, сколько любви в него вложено. Неужели всё это взять и в навоз превратить? Давай, не станем есть его хотя бы до утра. Он для меня – всё одно, что живой». А Никандр к тому времени будучи совершенно пьяным, уже ввалился в незапертую квартиру и подслушивал разговор старухи со стариком. Уздечкин дождался, пока пенсионеры легли спать. Съел борщ, разделся и обмазался его остатками. Свеклой подкрасил себе щёки и разбудил сердечных. «Я, – говорит, – сынок ваш. Зовут меня Борщ, а отчество – Павлович. Зародился я на кухне, у вас в кастрюле, в любви и взаимном согласии. Теперь кормите, одевайте, обувайте меня. Я – ваш законный сын». Павел Терентьевич за молотком потянулся, а у Анны Тихоновны что-то в сердце шевельнулось. Признала в цыгане своего сына. И стали они жить втроём. Время проходит, Уздечкин живёт у стариков, ест, пьёт, горя не знает. Да наскучила Никандру домашняя жизнь. Выпил как-то за ужином лишнего и говорит: «Дай-ка, мама, сыну титьку пососать». Тут его и выгнали. Сам он из цыганского села под Ужгородом. Хороший работник, но только ветер в голове. Ни семьи, ни документов. Смотрю, – старается. Думаю, пусть живёт.

– Нет, не так.

– А как?

– Во-первых, Никандр с Малоярославца. А было всё так. Детей у Павла Терентьевича и Анны Тихоновны не было. Заскучали крепко по этому поводу старики. Павел Терентьевич вернулся с огорода, принёс картошку и свеклу из собственного погреба. У них же в овраге не только приличный огород, но ещё и сарайчик с погребом для хранения инвентаря и овощей. Сварили борщ и стали вслух мечтать: «Он словно живой. Если бы ожил, то стал бы нам вместо сына». Легли спать, а подслушавший разговор Никандр съел целый котёл одним махом, да там же, у плиты, на полу и уснул. Утром дед с бабкой вышли на кухню, а там лежит голый мужик весь в засохшей грязи. Лицо в свекле измазано. Глаза блестят весельем и радостью. Они спросили: «Кто ты?». Голый человек ответил: «Я – сыночек ваш. Я – тот борщ, который вы вчера приготовили». И кинулся лобызать стопы ног родительских. И рассудок у стариков помутился, поверили цыгану. С неделю он у них жил на правах сына, а потом выпил с тобой и со смехом отрекомендовался, как существо, принявшее человеческий образ из сваренного в кастрюле борща. И ты его от стариков забрал.

– Ну вот. Всё знаешь из первых уст.

– Я думала, ты расскажешь интересные подробности.

– Не расскажу. Тебе лучше меня всё известно.

– Лучше. но не всё. Откуда Влад появился? О нём я ничего не знаю. Молчал, как партизан...

– Не партизан, а дезертир твой Влад. Бросил воинскую часть во Владивостоке. На перекладных добрался до Новосибирска, а оттуда в вагоне багажного поезда, если память не изменяет, за номером девятьсот три, приехал в Москву. На станцию Москва-Товарная-Рязанская.

И стал в общежитии железнодорожников, где я работал вахтёром, промышленность воровством. Поймал я шустрого парнишку и взял к себе.

– Влад из Владика?

– Да. Хорошая работа у меня была, ни о чём голова не болела. Удивительные люди на железной дороге работают, ни одного подлеца, все – сплошь из чистого золота.

– Чего же ушёл?

– На их светлом фоне узрел свою нравственную нечистоту и счёл невозможным далее там оставаться. А на деле – Лев Львович твой предложил отремонтировать подвал и устроить там ломбард или филиал комиссионного магазина. Поделился я этим планом со Сморкачёвым, тот загорелся, вызвался сделать ремонт, мебель на горбу таскать, так и прижился. Да, чуть не забыл, позвонил мне претендент на целительство. Ну, помнишь, целитель?

– Какой целитель? – растерянно переспросила Нина.

– На вакантную должность в медцентр.

– Я думала, ты остыл, успокоился, – разочарованно произнесла Начинкина.

– Посмотреть-то можно, – виновато оправдывался Василий. – А может, он не шарлатан, а самый что ни на есть настоящий.

История была недельной давности. Нина, как хозяйка медцентра, дала разрешение на замещение действующего целителя Валентина Валентиновича Мартышкина. А произошло это так. Грешнов был в гостях у Начинкиной. Выпивали, танцевали, а в танце разговаривали.

– Эх, Нина, хотел я тоже быть умным. Старался прочитать Достоевского, Толстого, но не смог.

– И не надо.

– Как не надо? Люди же читают, хвалят, а мне не интересно. Получается, я глупее их? А ведь хочется быть не хуже других.

– Ты поэтому так убиваешься?

– Не поэтому. Есть сказка. Пустил заяц в свой дом лису, волка, а они его из собственного дома выгнали. Эта сказка про меня. В детстве не понимал, как это так. А подрос, женился, лису в свой дом пустил, затем устроил её работать к этому волку – Мартышкину. А они снюхались за моей спиной, стали пить-гулять, жизнь моя сделалась невыносимой.

– Фантазёр ты, Вася. Рос с матерью, теткой, бабкой. Они тебя заласкали. Застал, видишь ли, Наташку с Тин Тиным за столом с бутылкой и сделал из этого трагедию. Узрел измену. Она до медцентра в платном хоре работала, у неё голос хороший. Пусть бы этим и занималась.

– В хоре пела? Прожорливые птицы не поют. А Мартышкин назвался волком, а хвост-то пороссячий.

Нина засмеялась.

– Клиника оформлена на меня. Хочешь, выгоним Тин Тиным и возьмём другого шарлатана?

– Поймай, – обрадовался Грешнов. – Так значит, я могу конкурс на замещение вакантной должности объявить?

– Объявляй, – разрешила Начинкина.

Прошла неделя.

– Неудобно, – говорил Василий. – Человеку назначено время. Он придёт, а ему – от ворот поворот. Пусть покажет себя, сдаст экзамен, отказать всегда можно.

– Я думала, Мартышкин – твой друг. – Опять же спиртом бесплатным снабжает, – рассеянно говорила Нина.

– Тин Тиным – друг, но принципы дороже.

– Я думала, ты успокоился, – твердила Начинкина своё, – и между прочим, Лев Львович давно проследовал к Терентьичу. Не забудь позвать его на годину. Напомни.

Услышав о Ласкине, Василий резко отодвинул тарелку и, не прощаясь, побежал на выход.

Начинкина в окно наблюдала за Грешновым, бежавшим со всех ног к гаражу. Немецкая овчарка по кличке Берта еле поспевала за ним.

Нина не обиделась. Она знала, что её залётка боится упустить зарплату для себя и своих «оруженосцев».

Глава 5

Шпионка и чёрный козёл

В гараже Павла Терентьевича, кроме хозяина и Лёвы Ласкина, был ещё один гость – Петя Истуканов.

Пётр Виленович Истуканов был когда-то секретарём комсомольской организации конструкторского бюро на Московском радиотехническом заводе, а Лев Львович в то благодатное для них время – комсомольским секретарём всего завода. В «последние времена» недолго и тот и другой поработали учителями в школе. После чего Лев Львович перешёл в комиссионный магазин на приёмку товара, и очень скоро стал заведующим этого магазина. А Пётр Виленович подался в охранники автобусного парка. Затем Ласкину предложили должность генерального директора коммерческого банка. Он попросил время подумать. Ему предоставили такую возможность. Шесть месяцев провёл в Бутырской тюрьме, после чего он согласился с предложением. А Истуканов, уйдя из автобусного парка, прочно сел на шею своего младшего товарища по коммунистической партии Гаврилова. Помогал ему ремонтировать квартиры, тем, что сидел рядом на стуле, вёл агитацию и пропаганду. Справедливости ради заметим, что если нужно было что-то придержать, он придерживал. За что получал половину от тех денег, которые платили за ремонт. Ну и «харчевался» у Гаврилова, что было само собой разумеющимся, так как в это время за обедом и ужином просвещал неокрепший ум своего товарища в вопросах борьбы за мировое счастье.

До появления Василия Истуканов жаловался на Грешнова. Говорил, что «Васька» живёт, как собака на сене. Ни себе, ни людям. Обнадёживает молодую вдову, Начинкина на него надеется, строит планы будущей совместной жизни, а он обманывает её, с женой не разведётся и на ней не женится. Вследствие чего обманутая вдова не может принять его, Истуканова, искреннее предложение руки и сердца. Этими жалобами, как Петру Виленовичу казалось, он сумел снискать к себе симпатию у слушавших его. Но вошёл Василий и всё испортил.

Здороваясь со всеми за руку, Грешнов спросил:

– Терентьич, кофейком угостишь?

Воцарилось напряжённое молчание, которое разрядил хозяин.

– Ты же знаешь, у меня только чай, – сказал Огоньков.

– Тогда покрепче, – дал инструкцию вновь пришедший, бесцеремонно усаживаясь за стол.

– Невозможно радио слушать, – выключая приёмник, сказал Павел Терентьевич. – Словно член политбюро умер. С утра только и разговоров, что о принцессе Уэльской.

– Так англичане – теперь наше политбюро, – съязвил Истуканов. – Они и американцы. Поэтому и трубят.

Ожидая обещанный чай, Василий принялся было привычно жаловаться на тещу, но Огоньков его перебил.

– Василёк, почему ты такси своё бросил? Тебе же нравилась эта работа.

Понимая, что это не праздный вопрос, чувствуя повышенное к себе внимание, Грешнов, как школьник у доски, принялся объясняться и оправдываться.

– Да, работа в такси мне нравилась. А как только мой друг и напарник Юрок Дереза, чью память отмечаем ныне, сгорел в машине заживо, – сразу разонравилась. Нервишки пошаливать стали. Во-первых, пересадили с «Волги» на ржавого «Москвича», а во-вторых и главных, случился со мной нервный срыв.

– Что за срыв такой? – поинтересовался Павел Терентьевич.

– На следующий день после похорон и поминок, вышел я на «линию». Проще говоря, на работу. Везу маму с дочкой. Ну, понятное дело, третье сентября девочка ещё с радостью в школу ходит, полна эмоций.

– Так это же хорошо, – стал поторапливать Огоньков.

– Конечно, хорошо. Слушай дальше. Ученица эта стала вслух читать рассказ Чехова «Страшная ночь». Во! С моей дырявой головой до сих пор название помню.

– И что в рассказе?

– В этом рассказе герой возвращается со спиритического сеанса и находит в своём доме гроб. Стоит домовина в комнате прямо по центру. Он бежит к другу, открывает дверь в его квартиру своим ключом. Друга нет, а в центре комнаты тоже стоит гроб. Он со всех ног мчится к родному брату, – и у того гроб.

– Вспомнил! – засмеялся Пётр Виленович. – Весёленький рассказ.

– Вот и девочка всю дорогу смеялась. Читает маме вслух и хохочет. Стал я им говорить вежливо, по-человечески. У меня, говорю, напарник погиб. Только вчера похоронили. «Соболезнуем» и продолжается чтение вслух. Еле довёз, не знаю, как сдержался.

– Это же твоя работа.

– Только их высадил, тут же села старая карга, у которой из хозяйственной сумки торчал скелет человеческой руки. Стала хвастаться, внук в медицинском учится, и она по случаю купила ему недорогое пособие. Оно и заметно, что ненастоящая кость, но нервы-то пошаливают. Старуха заметила моё неудовольствие и, чтобы как-то загладить вину, стала рассказывать анекдот. Видимо, рассчитывала рассмешить. Старый анекдот, про то, как на сельском кладбище, не имеющем ограды, вырыли свежую могилу у самой дороги, а в неё провалился мужик. Темно, но чувствует, что в могиле он не один. Сначала обрадовался, – появилась надежда выбраться. Стал вопросы задавать, а ему не отвечают. Потрогал. На ощупь – шерсть и рога. Если бы в следующее мгновение блеяние не услышал, то возможно, там бы, в могиле и остался. Но перепугался до смерти. Оказывается, до него чёрный козёл в яму упал. Слышит мужик, по дороге люди идут, разговаривают. Позвал их, те подошли. Вербку могильщики прямо у ямы оставили, чтобы с собой не таскать. Кинули прохожие мужику конец той веревки, говорят: «Обвязывай себя, вытащим». Разумеется, сначала он привязал за рога козла. Вот только предупредить об этом не успел. Те тянут, он его снизу, как может, подсаживает. Козёл, как нарочно, помалкивает. Те как вытащили, как обнаружили того, кто с ними из могилы разговаривал, разразились воплями и в ужасе разбежались. Еле...

Грешнову не дали договорить. Сначала в голос, совершенно развязно, по-молодецки рассмеялся Павел Терентьевич, затем – Лев Львович и даже Пётр Виленович за компанию хохотнул.

– Как? Не слышали? Это старая история, – пытался Вася утихомирить смеющихся.

– Чем закончилось? Инфарктом? – поинтересовался хозяин гаража, вытирая обильные слёзы.

– Все убежали, пришлось мужику в могиле ночевать. Утром доярки шли на ферму коров доить, – достали.

– Не ты ли там сидел? – не унимался Огоньков.

– Да нет же. Это старый анекдот, – подтвердил Истуканов, чувствуя, что теряет поддержку товарищей и развенчанный было негодяй Грешнов снова приобретает в их глазах благосклонность.

– Я тоже не слышал, – признался Ласкин.

– А я слышал сто раз, – продолжал Василий, – и в сто первый с удовольствием бы послушал, но не в тот день. – Рассказываю дальше. На смену старухе сел старик «некрофил». Не шучу. он сам так отрекомендовался и объяснил. «Я», – говорит, – «любитель и знаток клад-

бищ». Пока его вёз, он меня изустно познакомил со всеми московскими погостами, с каждым захоронением на них.

– Так уж и с каждым, – усомнился Лев Львович.

– Сказал, какая знаменитость где покоится. Высадил «некрофила», сели ребята с Мосфильма. Ну, думаю, отдохну. Так и эти отличились. Принялись хвастаться. Открыли кожаную сумку, а в ней – резиновая голова. От настоящей не отличишь. И два пятилитровых пакета с заменителем крови. Сказали адрес, там у них съёмка, вези их на квартиру. Я им спокойно, без эмоций: «Дорогие мои, я устал. Выходите». Не поняли. «Шеф, два счётчика платим». Я возопил, как сорвавшийся в пропасть и полез под сиденье за монтировкой.

– Да, денёк у тебя выдался, – стал заворачивать рассказчика Терентьевич.

– Ещё не всё, – разошёлся Грешнов. – Прихожу домой, Олеся Наталье страшилку рассказывает про гроб на колёсиках. Вот тут я и психанул. Побежал, сел в машину, хотел уехать. Но выпил перед этим и в первый же столб. И дома, оказывается, что-то сломал и разбил. Когда вышел из запоя, жена обвинила в рукоприкладстве. Вот как я бросил такси. Теперь – всё.

– Да, – история, – с уважением глядя на Василия, сказал Огоньков.

– Ну, а мою историю слушать будете? – загораясь завистью к успеху Грешнова, спросил Истуканов.

– Давай-давай. Он про бабу хотел рассказать, – пояснил Василию хозяин гаража.

– Про бабу всегда готов слушать, – смирился Грешнов, принимая кружку с чаем из рук Терентьевича.

– На ней был летний плащ. Легкий, без подкладки, цвета топлёного молока, – вкрадчивым голосом радиосказочника стал повествовать Пётр Виленович, – платье красное, шёлковое.

– погоди, не торопись. Откуда она взялась? – проявил неожиданный интерес Лев Львович.

– Я в Академии наук работал, в спецуправлении, – стал обстоятельно докладывать Истуканов. – Это работа с секретными документами.

– Постой, как ты попал в Академию наук? – усомнился Василий.

– Дядька меня устроил в спецуправление. Он же в КГБ работал. По своим каналам он меня и пристроил.

– А где это спецуправление территориально находится? – засомневался и Лев Львович.

– На территории Академии наук, Ленинский проспект, четырнадцать. Там особняк – дворец Демидова. При особняке – флигеля. В одном из них я и работал. В этом демидовском дворце заседали президент Академии наук и вице-президенты. И пока эту огромную «дуру» не построили, я имею в виду новое здание, все общие собрания проходили там. Если стоять лицом к дворцу, то мой флигель располагался справа. Корпус два.

– И тебе сразу доверили? – допытывался Василий.

– Не сразу. Через какое-то время я стал возить секретные письма. Женщина от нас ушла, сделали меня курьером. Сначала она болела, я её подменял, допуск у меня уже был. С этим допуском я возил письма в ЦК КПСС, КГБ и МИД. Письма, разумеется, секретные, читать я их не мог. Мог только с грифом «совершенно секретно», так как у меня была вторая форма допуска.

– Секретные читать не мог, а совсекретные мог? Ты что-то зарапортовался, – с легкой иронией в голосе произнёс Василий. – Так какие же ты не мог читать?

– Не мог читать те письма, что были выше грифа «совершенно секретно». Это были письма «особой важности».

– Особой важности?

– Да. Это первая форма допуска. Читать я их не мог, но доставлять по назначению приходилось. И вот дали мне одно такое письмо, «особой важности», чтобы отвёз я его в ЦК КПСС, во второй подъезд, в экспедицию. Адрес – Старая Площадь, дом четыре. Обыкновенно

венно был такой маршрут: МИД, ЦК КПСС, КГБ. а еще заезжали на Вавилова, дом сорок четыре. Но это не каждый день. А МИД, ЦК КПСС, КГБ – каждый день. А тут начальница даёт письмо и говорит: «Отвезёшь в экспедицию ЦК КПСС письмо „особой важности“». И, как назло, наша машина сломалась. Вызвали машину с Автобазы академии наук. Самая обычная «Волга» с рядовым водителем. Парень не в курсе был, что у меня за документы. Но он должен был хорошо знать Москву. Но оказалось, тот, что за мной приехал, Москву не знал. Говорю ему: «Вези в ЦК КПСС, Старая площадь, дом четыре». А он повёз не со стороны метро Дзержинская, а по набережной реки Москвы. И у него прокололось колесо. Посмотрели запаску, запаски нет. А я напоминаю слушателям, что вёз я письмо «особой важности» в ЦК КПСС. Оно лежало в кожаном жёлтом портфеле, запертом за замок, а ручка портфеля была пристёгнута наручниками к моему запястью. Такие существуют правила для спецкурьеров, не мною придуманные. Так вот. Рядом с нашей «Волгой» остановилась иностранная машина. И женщина, управлявшая ею, попросила подсказать, как доехать до станции метро «Площадь Ногина». Мой шофёр, он же не знал, что я везу, говорит женщине: «Вы подбросьте товарища, ему как раз по пути. А он вам покажет дорогу». Та и рада стараться. Подвезла прямо к церковке, что в народе называлась «У чёрта на куличиках» и говорит: «Хочу в чебуречечную „Сакля“ зайти, купить стаканчик сметаны. Но боюсь, мужчины прохода не дадут. Проводите меня, пожалуйста, это займёт пять минут». Вошли в чебуречечную, она взяла меня под руку и – в туалет. Знала, где он находится. Как я уже говорил, на ней был летний, легкий плащ цвета топлёного молока, платье красное, шёлковое. Чулки дорогие, со швом сзади, белые туфли «лодочки» на каблучках, белая дамская сумочка. Сама светленькая, волосы видимо, крашенные, в желтизну отдавали. Я про себя её «канарейкой» назвал. Губы розовой помадой накрасила, носик маленький, остренький. Зубы белые, ровные. Губы тонкие. Всё время улыбалась. У иностранцев так положено. Духи – «Шинель номер пять» или даже «шесть». Приятный такой запах, ничего не скажу. Водка лимонная была, самая первая, пока не начали баловать. Вот, примерно такой запах. Плащ я с неё снял, на алюминиевую вешалку повесил. Туалет там просторный, с окном. У окна стёкла белой краской закрашены, через открытую форточку слышно, как воробы чирикают. Тут же, рядом с унитазом, раковина. Над раковиной – старое, с обсыпавшейся серебрянкой, зеркало. Она в зеркало смотрится, губы подкрашивает, а задом трется об меня. Я её по спине погладил, помалкивает. Расстегнул молнию, снял с неё красное платье. Под ним оказалось второе, такое же. Красное, но более тонкое, называется «комбинация». «Комбинацию» снимать не стал, я её просто задрал, А чтобы не спадала, когда баба нагнулась, положил ей на спину портфель с письмом «особой важности». «Канарейка» хихикать стала, говорит: «Портфель тяжёлый, снимите, мы заперты изнутри, никто его не украдет». «Шалишь, – думаю, – в портфеле одно письмо, а ей тяжело. Потерпишь. А я как-нибудь и так управлюсь». Прошёлся разок. Отдохнул. Стал по второму заходу «работать» и отвлёкся. А как сосредоточился, смотрю, – она старается маленьким ключиком замок на портфеле открыть. Как дал я ей кулаком по горбу, ключик отнял и в унитаз его бросил. Говорю ей: «Стой спокойно, а то убью». Закончил «дело», заправился и спрашиваю эдак строго, как это делают компетентные органы: «Разрешите взглянуть на ваши документы». Достала она из сумочки паспорт, подаёт. Раскрываю, смотрю и глазам не верю. В нём написано: «Джеймс Бонд».

Лев Львович пулей вылетел из гаража и его стошнило. Истуканов посмотрел ему вслед, подумал и исправился:

– «Джейн Фонда», а не «Джеймс Бонд», я всегда их путаю.

– Впечатление испорчено, – сказал Ласкин, отплеываясь. – Перед глазами возник образ бородатого Шона Коннери в шотландской юбке.

Ничего не понимая, Павел Терентьевич заметил:

– Известное дело, шпионки под своим именем не работают. Чем кончилось-то? Письмо доставил по назначению?

– Да. Застегнул штаны и – бегом во второй подъезд, в экспедицию ЦК КПСС. Всё успел и даже, как выяснилось, не заразился.

– Это ты молодец, – насмешливо прокомментировал услышанное Василий и вышел из гаража.

Подойдя к кутившему Льву Львовичу, Грешнов бесцеремонно потребовал зарплату за август. Что рассердило Ласкина больше, чем путанный финал рассказа Истуканова.

– Получаешь за троих, чтобы трое и работали. Зайду, проверю наличие дежурных и журнал дежурств.

– А как же. Обижаешь, – сказал Василий, пряча деньги в карман.

– И всегда в подвале должен кто-то находиться.

– Мог бы и не повторять. Ребята интересуются, когда ломбард будет? Говорят, что же, всю жизнь в сторожах ходить? Сморкачёв и Уздечкин мне всю плешь проели: «Если не ломбард, то пусть Лев Львович разрешит нам магазин какой-никакой открыть».

Ласкин многозначительно промолчал.

– Ах да, – вспомнил Василий о просьбе Начинкиной. – Сегодня у Юрка година. Нинка будет рада, если ты заглянешь. Годовщина смерти требует поминовения, потому что в этот день бессмертная душа рождается вновь для жизни вечной.

– Если дела позволят, приду, – отводя глаза в сторону, сказал Лев Львович.

– Так и передам, – пообещал Грешнов.

Глава 6

В медцентре у Мартышкина

После гаража Василий прибежал в подвал и, ругая Ласкина последними словами, стал раздеваться, чтобы принять душ и успокоиться.

После того, как он остался в одних трусах, «оруженосцы» стали над ним смеяться. Грешнов спросил, что в нём такого смешного, но проследив направление их взглядов сам нашёл ответ на этот вопрос, обнаружив на себе женские трусы «неделька».

– А Нинка их ищет, – рассеянно заговорил Василий и вдруг его глаза округлились. – Получается, я в этой красоте перед Наташкой фланировал! То-то она пригрозила, что на выставку кукол поедет. Отомстить решила.

Василий передумал принимать душ, оделся и побежал в медцентр к жене, надеясь перехватить Наталью там и оправдаться.

Выйдя из подвала, он лицом к лицу столкнулся с заезжими бандитами, о которых ему говорила Нина. Физически крепкие ребята в кожаных куртках остановили Василия и стали расспрашивать.

– Уважаемый, – с напускной бравадой обратился к нему самый старший из них. – Можно спросить?

– Спросите, – чувствуя струйку пота, сбегавшую по спине, разрешил Грешнов.

– У вас тут есть серьёзные ребята, вроде нас, с кем можно встретиться и поговорить?

– Вам с Гимнастом надо встретиться. Он у нас самый серьёзный.

– А как он выглядит? Где его найти?

– Не надо его искать. Вы – ребята заметные, он вас сам найдёт.

– Слыхали, ребятами нас назвал, – стал задирается один из бандитов, сидящих на заднем сиденье ржавого «Форда».

– Тихо, – прикрикнул беседовавший с Грешновым, не позволив приятелю распалиться. – Ну, хорошо. Если этот Гимнаст не объявится, мы к тебе ещё раз обратимся.

Слова прозвучали, как угроза, но Василий сделал вид, что не услышал их в этом ключе.

– Обязательно. Обращайтесь, когда хотите. Но Гимнаст не заставит себя долго ждать.

Грешнов сказал это с таким убеждением, что не на шутку испугались сами бандиты. И настолько силён был испуг, что те двое, которые сидели на заднем сиденье «Форда», не сговариваясь, одновременно стали умолять старшего:

– Колян, поедem домой.

Оставив незваных гостей, Василий направился в районную поликлинику, где в правом крыле первого этажа располагался медцентр. По дороге заглянул в шиномонтаж, к Валерке Бахусову. На шиномонтаже, вместе с Валеркой работали сириец Джамал и сын Гамаюна Вадим. Джамал был из Дамаска, уверял, что его родной город старше Иерихона и является самым древним городом из уцелевших. Утверждал, что Дамаск был основан Адамом и Евой, которые после изгнания из рая нашли себе пристанище в пещере на окраине Дамаска. Там же Каин убил своего брата Авеля.

Много интересного рассказывал сириец.

– Когда ж твой город был основан? – спросил Василий.

– Шесть тысяч триста лет до нашей эры, – не сморгнув, ответил Джамал.

Узнав, что Грешнов направляется в медцентр, Валерий Николаевич стал жаловаться на Мартышкина:

– Я ему говорю: «При моём росте я должен весить восемьдесят килограмм, а вешу пятьдесят четыре. Твоя Наташка посмотрела на весы и сказала: «Мне бы столько. Сохранила бы фигуру».

– Лечит всё же, – попытался защитить товарища Василий.

– А ты знаешь, как? Дал такую таблетку, после которой понесло хуже, чем после прокисшего борща. Тридцать метров против ветра, не считая мелких брызг.

– Может, у Тин Тиныча дома что не так. На супругу нельзя зло срывать, сразу – синяк под глазом будет. А тут приходят жеребцы, – Василий обнял по-дружески Валерку.

– Нет, он меня доведёт. Я ему выпрямлю его косоглазие. Зажму в правой руке все его хозяйство, а она у меня крепкая и буду тащить на лоб.

– Я на обратном пути к тебе загляну, – пообещал, прощаясь, Грешнов.

Натали на рабочем месте не оказалось.

– А разве она тебе не сказала, что поедет на выставку плюшевых мишек? – спросил Мартышкин.

– Сказала, но я хотел отговорить её от необдуманных поступков.

– Что, допрыгалась? – счастливо улыбаясь, спросил Валентин.

– Кто? Что? Ты о чём? – испугался Василий того, что целитель прочёл его мысли.

– Допрыгалась, говорю, леди Ди по кочкам. Фригидная была баба, костлявая, угловатая. И как только арабы на неё лазили? Народ, имеющий таких принцесс, обречён на вымирание.

– А Елизавета? – растерянно оправдывался Грешнов, словно в нём текла английская кровь.

– Лиза – баба аппетитная, но уже «секенд хенд», как они же сами и выражаются. То есть «хорошо побывавшая в употреблении». А молодых таких у них нет. На Елизавету я бы взобрался. Хотя и в возрасте, но настоящая женщина.

– Вот ты понимаешь толк в женской красоте, а другие меня за бабу Пашу осуждают. А она же фотографическая копия королевы Великобритании.

– Да! Точно! Баба Паша на Елизавету похожа, – засмеялся Мартышкин. – Пока английская тема не возникла, я даже как-то и не сравнивал. А сейчас припоминаю – один в один. Фактически сестра-близнец английской королевы.

– Подбери слюни.

– Я не претендую, – сказал Валентин Валентинович, продолжая вспоминать образ бабы Паши и сладострастно улыбаться.

– Хватит. Кому говорю? Соберись. В армии служил?

– Я и сам не служил, – пришёл в себя Мартышкин, – и других спасал. Человек двести спас, пока меня не выгнали.

– Ты это за взятки делал?

– От благодарности не отказывался. Но главное, было убеждение, что армия отнимает два года молодой жизни. Калечит. А случается – убивает.

– Не знаю, – сказал Василий, – у нас всё было наоборот. На службу пришли больные, а через год все превратились в чудо-богатырей. Кстати, что с дверью входной? Не мог попасть к тебе в кабинет.

– А всё потому, что раму дверную вместе с дверью установили кверху ногами. И теперь, чтобы дверь открыть, ручку приходится не вниз опускать, а вверх поднимать.

Снаружи стали ломиться в кабинет.

– Вверх! Ручку вверх! – закричал Мартышкин и, не выдержав, поднялся со стула, подошёл и сам открыл дверь.

В кабинет протиснулся пациент с насмешливым выражением лица и руками, поднятыми над головой.

– Вот, все так, как военнопленные, заходят. Думают, команду: «Руки вверх!», – пояснил Валентин Валентинович. – Кричу, ругаюсь, а ведь мечтал лечить, как доктор Галли Матье, смехом и шутками.

– Помогите, доктор, – сказал пациент, – подскажите, что делать? У меня...

– Мойте анус холодной водой, – не дослушав пациента, сказал Мартышкин и, обращаясь к Василию, объяснил, – Анус – это не ругательство. По древнегречески это – «отверстие», «дырка».

– Так это ещё древними про женщину сказано: «двуликий анус»?

– Нет. Двуликий Янус – это римское божество. И потом анусом зад называется только у мужчин. А у женщин зад называется бонусом.

– Правда? – удивился Василий.

Пациент рассмеялся.

– Это шутка такая, – выпроваживая мужчину за дверь, – объяснил целитель.

– Ты каждому пациенту говоришь: «Не забывайте мыть анус холодной водой». У тебя это в присказку вышло. От всех болезней одно лекарство, причём не тобой придуманное. Задолго до тебя Пете Истуканову его Палыч, майор милиции прописал. На Пасху дело было. Петя напился и ломился в Храм Божий. Старый майор, дежуривший у входа, сказал ему: «Иди домой». Пётр Виленович ему с вызовом: «Анус помой?» – «Да», – устало ответил ему сотрудник милиции.

Василий всё показывал в лицах. Целитель улыбнулся и сказал:

– Человеку не важно, кто его вылечит, – врач, дельфин, пчела или пиявка медицинская. Ему нужен результат или обещание такового. Чем, собственно, я и занимаюсь. Мой девиз такой: «Если не можешь вылечить, то хотя бы пообещай исцеление».

– Это же обман. Зачем обещать, зная, что не поможешь?

– А вдруг? Вдруг человека спасёт самообман, то есть самовнушение? Мобилизуются внутренние силы, а возможно, в процесс выздоровления вмешаются силы внешние, потусторонние, о которых теперь так много говорят.

– Шарлатан ты, шарлатан, – смеясь, сказал Грешнов.

– Сначала докажи. Я, знаешь ли, уже сидел на скамье подсудимых и привык, чтобы меня сначала поймали за руку.

– «За руку». У тебя давно вместо руки – лапа. Не за руку, а за хвост тебя надо ловить. И как Вакула-кузнец чёрта, надо сечь тебя до тех пор, пока из того места, которое ты всем советуешь мыть ледяной водой, дым не пойдёт.

Всё говорилось по-доброму и Валентин не обиделся.

Выглянув из кабинета и объявив тридцатиминутный перерыв, народный целитель стал вспоминать свою врачебную практику.

– В бойлерной при больнице работал у нас Денис Денисович, – говорил Мартышкин. – Пьяница страшный, хохмач, балагур. Так вот, оденем его в белый халат, и он как будто внезапно при обходе в палату заходит. Хирург, осматривающий больных, говорит: «Знакомьтесь, это – наш, можно сказать, коллега, – Денис Денисович Отрубянников» и, обращаясь к нашему хохмачу, добавляет: «Голубчик, вы сегодня не в форме, идите, отдохните». А тот небритый, как всегда, «под газом». И после этого никого не надо уговаривать. Полагая, что Денис Денисович – врач, все сами в карман нам деньги совали, лишь бы ими не занимался этот «уставший доктор».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.